

Кира Бартоломей

ДЕВОЧКА-ВЕТЕР

12+

Кира Бартоломей
Девочка-ветер

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Бартоломей К.

Девочка-ветер / К. Бартоломей — «ЛитРес: Самиздат», 2007

У сложных натур и в отношениях все непросто. Чем умнее и талантливее героиня, тем больше трудностей возникает на ее пути к счастью, да и избранник непросто и сам не всегда может вовремя осознать, чего же он действительно хочет. Казалось бы, достаточно одного откровенного разговора, чтобы все решить, но на практике недопонимание и недомолвки оборачиваются драмой, и все же надежда на счастливый финал остается. Именно такие истории предлагает читателю Кира Бартоломей, которая прекрасно разбирается в тонкостях человеческих характеров. Ее повествования увлекательны, заставляют сопереживать героям и вместе с ними надеяться на лучшее.

© Бартоломей К., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Одиночество для двоих	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кира Бартоломей

Девочка-ветер

Одиночество для двоих

...Он рыжий, как солнце на закате! Таких еще поискать! Может, он сродни осени, потому что у него такие золотые волосы и ярко-синие глаза, словно небо в пору бабьего лета? Подобные экзотические личности – слабость моей кузины, грозно предупредившей по телефону: «Не вздумай на него глаз положить!» Очень в стиле Танюши. Какой там глаз положить! Она прекрасно осведомлена о моей полной несостоятельности в вопросах очаровывания и завлечения, но в этом вся Танюша: необходимо при малейшей возможности подчеркнуть свое превосходство. Один – ноль в ее пользу. Я прочувствовала и в очередной раз про себя отметила, что такого рода индивидуумы при мне по собственной инициативе никогда не станут исполнять роль извозчика. Кузинин гонец, по-видимому, привык к восторженной реакции со стороны другой половины человечества, и его лицо осталось непроницаемо-спокойным. Признаться, не только Танюшу может сразить сие творение природы наповал. Я глазею на него как идиотка! Где они, мамочкины уроки хороших манер?

– Илья Зимин, – произнес он наконец. Мне показалось, что с того момента, как он появился, прошла вечность, и все это время я, совершенно не смущаясь, нахально разглядывала его, как распятое насекомое под микроскопом, он же милостиво позволял таращиться, демонстрировал себя во всей красе. Ну что уж там, вот он я, смотрите разинув рты, проглотив языки от восторга. Жар-птица: мне смешно и в то же время неловко. Зимин? Хоть один знак того, что он такой же смертный, иначе кому бы пришлось в голову назвать самого рыжего в мире мужчину подобной фамилией. Я уверена, такие вот не ходят по улицам, а рекламируют исключительно «Шанель Эгоист» по телевизору.

– Танюша просила заехать за вами... – начал он едва слышно. – Надеюсь, за всей этой суетой она не забыла предупредить...

– Если вас не затруднит, говорите громче, – сказала я, указывая на левое ухо.

– О, простите!

Конечно, все мои недостатки, коих великое множество, известны этому Золотому Мальчику. Танюша наверняка с горестной миной доверительно сообщила, что время от времени я глуха как тетерев, что в семье рак-отшельник, книжный червь, что с молодыми людьми проблемы и некий легчик вот уже добрых три года небезуспешно морочит мне голову... Впрочем, делает она это не со зла, а просто так. Может, на фоне бестолковой и неустроенной кузины сама себе кажется внушительнее и солиднее? Отлупить бы ее, как в детстве, но теперь это так же невозможно, как достать луну с неба.

– Я подожду в машине, – сказал Танюшин знакомый громко, с расстановкой, с искренним желанием быть услышанным и понятым.

Verdammt!¹ Это же тот самый молодой, золотой, о котором Танюша столько рассказывала в студенческие годы! Сподобилась, узрела. Его так долго прятала милая кузина, что все разговоры скорее походили на очередную выдумку, которыми она всегда славилась в семье. Кажется, Танюша не все рассказала тогда. Или с возрастом он стал еще интереснее?

Зимин помог сесть в машину, поинтересовался, удобно ли. Добрый доктор сразу оценил ситуацию и уже не станет бормотать себе под нос, может быть, в беседе еще и поможет себе жестами для большего эффекта. Он, наверно, очень старательный, этот Золотой Мальчик: не

---

¹ Проклятье! (нем.)

кричит, пытается произнести каждое слово с расстановкой, словно всю жизнь общался исключительно с глухими.

Я не глухая, просто иногда накатывает. Моя подруга Инка называет это «здесь слышу, здесь не слышу», а когда особенно сердится, говорит, что я слышу только то, что хочу. Инка не права, и если на меня находит, то слышу лишь гул, слов не разобрать. Мое постоянное переспрашивание бесит продавщиц и прочих гражданок из сферы обслуживания. А на вопрос, оглохла, что ли, – я послушно киваю головой и предлагаю взглянуть на справку. Те, кто не окончательно оскотинился, осекаются, ну а самые закаленные в боях с клиентами начинают орать, что лечиться надо, а нет – дома сидеть. Инка резвится, присутствуя при этих сценах, искренне сожалея, что подобных экземпляров становится все меньше и меньше, то есть не вымерли как мамонты, просто им запретили раскрывать рот. Времена меняются: народ борется за свои права, депутаты – за избирателей, а продавцы – за покупателей. Инка грозит уехать куда-нибудь в теплые страны жить и сокрушается, что вот этого самого народа ей будет не хватать. Бахвальство! Никуда она не уедет. Будет так же, как и я, сидеть в своем музее, глотать пыль в библиотеке и фантазировать на тему: вдруг открывается дверь и входит Он... Это наше любимое занятие, кроме, естественно, борьбы за качество обслуживания инвалидов и примкнувших к ним.

Солнце село. Мой спутник молчит. Он, естественно, не из тех, кто болтает о прекрасной погоде и политической обстановке в стране. Я же скорее откушу себе язык, но ни за что не стану приставать с дурацкими разговорами и расспросами.

Осень. В небе кружатся желтые листья, падают с легким шорохом, устилая землю разноцветным узором. Скоро начнется сезон затяжных дождей, вокруг запахнет тоской и безнадежностью, станет пасмурно и промозгло. Утром, поеживаясь, выходя из домов, народ будет смотреть на небо и обреченно вздыхать, станет казаться, что это навсегда, что солнце никогда больше не выглянет и потоки воды окончательно смоют все краски в жизни. Мне грустно. Нет, мне отвратительно и ужасно тоскливо. Я буду ждать весны, проклинать холода и мечтать о пылающем камине в моем доме, кресле, книге и полной тишине, нарушаемой лишь тихим потрескиванием поленьев и дождя за окном. Если бы у меня был дом, дожди я способна пережить, даже если они продлятся год. Моего характера не хватило отказать, поэтому пока у меня нет моего дома.

Мы приехали на дачу к Танюше, где предстоит вынести муку под названием День Рождения Хозяйки. Танюша и Валюша снимают у меня дачу, в чем, конечно, никогда и никому не признаются под самой страшной пыткой. Для друзей и партнеров это дом прадеда и она, Танюша, так сказать, оберегая наследие предков, первозданность архитектуры, никогда и ни за что не сможет, рука не поднимется, разрушить родовое гнездо и выстроить что-нибудь более комфортабельное, просторное и современное. На самом же деле ей просто запрещено что-либо менять и перестраивать. Танюшу все еще греет надежда, что, устав от не очень обеспеченного существования преподавателя и невольной родительской нахлебницы, я обменяю кусочек наследия предков на кусочек благосостояния из кадушки Валюши.

Впрочем, если быть объективной, надо отдать должное Танюше, вовремя понявшей, что, орошая слезами умиления прогнившее крыльцо и облупившийся подлокотник кресла-качалки, я палец о палец не ударю, чтобы «принять меры», и буду смотреть, как перекашивается беседка и медленно врастают в землю стены, буду стареть вместе с этим домом, вспоминая прежние беспечные времена и счастье прожитых дней. Я не смогу прикрикивать на рабочих, ходить подбоченясь и тыкать кого-то носом в каждую трещину... На это есть Танюша и муж, активно подыгрывающий. Ей доставляет величайшее удовольствие прикрикивать, повелевать, царствовать. Моего ума хватает только на повальное обучение студентов-медиков иностранным языкам. Здесь равных мне на кафедре нет. Танюша корит меня за пассивность, предлагая найти хорошее место, «большие» деньги и не тратить время попусту в бесперспективном вузе.

Бесперспективность состоит в том, что два года назад я пришла в мединститут, потому что надо было куда-то уйти, но всем торжественно обещала, что не стану зарывать свои способности, а только отдохну от интриг и брошусь снова в бой. Никуда я не бросилась, так и осталась сидеть у медиков и уже не ни с кем воевать. Все куда-то делось, испарилось и больше не интересует. Запал кончился. Сданная дача обеспечивает мне вполне сносный уровень жизни, и я не лезу в драку, просто плыву по течению и ничего не жду. Вранье. Жду, и еще как! Некого, очень привлекательного и весьма популярного у женщин летчика, который не торопится вернуться ко мне.

Танюша ведет весьма насыщенную светскую жизнь. Она обожает сплетни, тряпки и дружбу со знаменитостями. Ее вечера разбавлены артистами, журналистами, музыкантами, людьми, как правило, не очень известными, но где-то промелькнувшими, которые с удовольствием выполняют роль свадебных генералов, когда за все заплачено. Мне обычно отводится роль переводчика, члена семьи и близкой подруги. У Танюши нет подруг, только приятельницы, общение с которыми каждый раз заканчивается мигренью и понижением жизненного тонуса. Жены «деловых» мужчин из кожи вон лезут, чтобы побольше щелкнуть любимую подругу по носу, доказав, что супруг *maechtiger*², богаче и продвинутее. Мне всегда хочется подсунуть Танюше книгу под названием *Wir alle spielen Theater*³ или что-нибудь в этом ключе, но она так увлечена играми «кто кого», что, вероятнее всего, давно все сама знает, только не подает виду, ведь надо какими-то способами воздействовать на мужа. Танюша училась. Психология – это мне, потому что ничего другого нет, а у нее красный диплом и дом полная чаша, которую Коняев наполняет усердно. Он пасует перед женой (два семестра Бауманского: математика доконала), преклоняется перед ее образованием, происхождением, постоянно рассказывает сокрушенно, что Танюше помешали интриги расти дальше и сделать блестящую карьеру.

Танюша встретила нас у порога, затянутая в черное трикотажное платье. Имея практически неограниченные возможности, она никогда не научится выбирать платья на пару размеров больше и немного длиннее. Мое дурное влияние сказывается на ее любви к маленьким черным платьям. Мы стоим друг против друга, похожие как близнецы, одному из которых досталась и мощь, и стать в ущерб другому. Танюша смерила меня оценивающим взглядом и осталась недовольна.

Ее приятель поддерживает меня под локоть и слегка подталкивает вперед, словно чувствует мое желание капитулировать перед шумной разгоряченной компанией.

– Я с вами, – шепчет он на ухо.

Танюша чмокнула воздух у моей щеки и подставила Зимину губы для поцелуя. Меня сейчас стошнит от этой сцены. Проще сразу забиться в угол и не подавать признаков жизни до окончания торжества. Тоскливо. Хочется выть на огрызок луны в небе. Но от Танюши никуда не скрыться...

– С днем рождения...

За спиной Танюши появляется Коняев, терзаемый любопытством, и Золотой Мальчик, терзаемый неизвестно чем. Сегодня я особенно не люблю это семейство и всех, кто *dazu gehört*⁴.

Моя милая кузина, получив в подарок дореволюционное издание «Руслана и Людмилы», взвизгнула и понеслась хвастаться: из библиотеки прадедушки. Никто не спросил, почему она получает в подарок книги из библиотеки собственного прадедушки от меня. Это мой прадед и моя библиотека, и это мою жизнь она рассказывает, как свою автобиографию. Я у нее в

---

² Влиятелен (нем.).

³ «Мы все играем в театр» (нем.).

⁴ К ним относится (нем.).

крови. Танюша всегда была очень fleissig⁵ и без запинки может сообщить присутствующим всю родословную моей семьи, перечислить ранги и награды, открытия и должности тех, кто никак не может привыкнуть к тому, что она записала их в разряд дорогих родственников.

Моя мамочка величественно позволяет Танюше фантазировать, прозвав ее однажды «баронессой Мюнхгаузен».

– Царский подарок, – хмыкнул Золотой Мальчик и уселся в кресло напротив, – за это надо выпить.

– О, у меня этого добра полон дом, – заявила я, принимая бокал шампанского, – а поскольку Танюша считает, что проживет дольше меня, предлагает отписать ей все в завещании.

Становится смешно от дурацкой ситуации. Все пользуются мной, как хотят: мой замечательный летун, моя мать, Коняевы и даже этот рыжий сидит и смотрит не отрываясь на маленькую кузину своей подружки, подливает шампанского и ждет, что произойдет. Зрелища на сегодня отменяются. Истерики к всеобщей радости я не закачу, вот только напьюсь и упаду, как водится в этой компании, под стол, а там будь что будет...

Золотой Мальчик исподлобья наблюдает, как я приканчиваю в одиночку вторую бутылку шампанского.

– Трудный день выдался, – сказал без тени сомнения на лице.

Наверное, насквозь видит мою тоску. Хочу домой.

– Может, я отвезу вас домой? Они не скоро хватятся.

– Вам виднее. Кстати, как вы думаете, если я подарю ей все, она меня сразу отравит или помучает?

– Помучает, – ответил он спокойно и помог подняться. Ноги не идут, но он прав, надо ехать домой. И конечно же он меня отвезет!

Зимин взял с самого начала на себя некоторые обязательства. Голова идет кругом, и меня качивает в буржуйской машине на родных ухабах. Шампанское не помогло. Вероятно, мало выпила. Сейчас бы закрыть глаза и никогда больше не просыпаться. Как это люди умудряются напиться и тут же уснуть? Я твержу себе под нос:

*Сбылись твои пророчества,
Подкралось одиночество...*

Пророчества были мои собственные, а одиночество существовало невымышленное, последние три года...

Соревнование на выживание между мной и очередной упорной подружкой небезызвестного летуна я проиграла. Сошла с дистанции. Уверенности в себе не хватило на то, чтобы стать единственной. Я сдалась без боя, уволокла ноги и еще дрожу от скачки, сомневаясь, правильно ли сделала и, может быть, стоит еще побороться, попытаться взять измором то, что, в сущности, мне никогда не принадлежало. Я вижу движущиеся губы Золотого Мальчика, но ничего не слышу.

– Разве вам Танюша не поведала, что я глуха как тетерев?

Он смутился, покраснев до краев волос. Ей-богу, там, дома, он решил, что я шучу. Какие там шутки! Мой доктор после очередного обострения нарисовал радужную картину будущего: уши нужны будут только для сережек. Проколю себе еще с дюжину дырок, стану похожа на панка, и моя мамочка ничего не сможет поделывать, тогда уж точно ее нравоучения пройдут даром, их никто не услышит.

---

⁵ Усидчива (нем.).

– Не совсем глухая, – примирительно говорю я, – здесь слышу, здесь не слышу. Называется очень длинно и очень некрасиво, впрочем, если вы Танюшин коллега...

У него большие печальные глаза, и мне отчего-то становится его жаль. Он не может знать, что меня утешает в перспективе оглохнуть возможность не общаться с его любимой Танюшей.

Жалеть надо меня, а я сочувствую ему, как последняя идиотка. Он огромен и до безумия красив. От него невозможно отвести взгляда, а я сижу и готова проливать слезу, потому что он печален. Я такая. Мне всегда кого-то жаль. Я могу влезть в чужую шкуру и проникнуться. Но ему подобные вряд ли нуждаются в сочувствии.

– Танюша сказала, что вы двоюродные сестры.

– Раз ей так хочется, – пожалала я плечами. – Но она говорит «кузины», это звучит благороднее для чужих ушей.

Танюшина мамочка однажды вышла замуж за пожилого и очень хорошо обеспеченного журналиста, моего дядю, и с тех пор Танюша цепко держится за приобретенных родственников, отпिनывая родного папашу, пытавшегося как-то заявить о своих родительских правах. Я так привыкла к званию кузины, что уже не испытываю отрицательных эмоций, как в детстве. Мое присутствие необходимо ей как воздух. Я – ее второе «я». Парадокс. Она срослась со мной против моей воли, как сиамский близнец. Хирургическое вмешательство, необходимое мне, чтобы защитить свое жизненное пространство, для Танюши смерти подобно. Все попытки прекратить с нею отношения приводят к истерикам с морем слез, и я чувствую себя втянутой в странную историю Алисой, захлебывающейся невероятным количеством влаги, которую способна произвести Коняева в долю секунды. Валюша является с лицом страдальца и умоляет, требовать не вправе, потому что Танюша вечно напоминает ему о «корнях», называя «тамбовским купчиком» или, того хуже, «хитрым евреем». Танюшины попытки воззвать к родственным чувствам терпят традиционное фиаско, и она начинает вспоминать долгие годы дружбы и совместное счастливое детство.

В детстве Фибка, Инка и я вешали на дверь записку: «Иди туда, откуда пришла», а Танюша являлась с листочком в руках и, округлив глаза, наивно спрашивала: «А это кому?» Она была ябедой и шпионила за нами, чтобы было чем шантажировать, а когда не получалось, шла сдавать нашим родителям. Мы ненавидели ее со всей силой детского максимализма и жестокости. Мы ее не принимали! Она была чем-то инородным, странным, неуклюжим и визгливым.

Хромая Инка лазила по деревьям как мартышка, гоняла на велосипеде и дралась с деревенскими мальчишками наравне с нами, а Танюша вечно ныла, что испачкает свое платье или, чего доброго, свалится куда-нибудь. Фибка таскал ее за жидкие косички и орал, размахивая длинными руками: «Иди пожалуйста моему отцу, что я тебе наподдавал!» У Танюши был новый папа, которого она боялась как огня, а так как этот страшный новый папа был моим очень серьезным дядей, Танюша предпочитала давить на жалость в наших домах и искать защиту у родителей своих обидчиков. Родители вытирали чумазое лицо, приводили в порядок одежду, в ужасе хватаясь за голову от безутешного плача малышки, такой тихой и беззащитной, а потом каждый раз нудно и упорно объясняли, что нужно возлюбить ближнего своего. Я готова была любить всех, кроме Танюши. Фибка получал ежевечерний выговор за неджентльменское поведение, а бывало, и трое суток ареста, без подружек, книг, телефона, но с гаммами и этюдами Гедике. Если бы жутко важный папа Фибки не отправлялся каждое утро на персональном автомобиле на службу, сидел бы наш с Инкой друг все лето под арестом и истязал рояль.

Танюша мечтала учиться музыке, но оказалась не музыкальнее жестяного ведра и страшно завидовала нашим мукам. Самым страшным днем был визит учительницы, которую привозили специально из города, чтобы мы не слонялись без дела по садам все каникулы, а планомерно и упорно работали над собой под ее чутким руководством. Танюша, подброшенная на лето моим родителям, с завидным упорством посещала все уроки, сидела тихо как мышь,

широко раскрыв рот, и слушала наше «гениальное» исполнение. Ничего нелепее придумать нельзя, чем визит маленькой кругленькой учительницы музыки на дачу. Уроки сольфеджио и фуги Баха. Бедные наши соседи! Они терпеливо сносили это каждое лето до тех пор, пока, посоветовавшись, родители не распрощались с коллективной мечтой сделать из нас разносторонне образованных людей.

Спустя много лет, стоя у могилы Баха, я с трепетом вспоминала наше детство, мне было грустно и одиноко. Фибка стал отпетым донжуаном и уже не таскает даже самых некрасивых и противных девчонок за косички. Инка, смешливая и мужественная «мадемуазель де Лавальер», закопала свой талант к сочинительству и пародиям в пыли архива, состоящего из одних изгрызенных мышами, засиженных мухами и покрытых пятнами плесени документов времен Гражданской войны, я... Я не знаю, кто я, но тоже не та, кем мечтала стать. Лишь Танюша с упорством лягушонка выпрыгнула на поверхность из своего кувшина и считает, что победила, наконец, троицу сынков и дочек. Пусть так. Теперь она занимается благотворительностью (как она это называет) по отношению ко мне, протягивает руку, вводит в общество тех, кому принадлежит мир.

Мне плохо. Золотой Мальчик успел вовремя остановить машину, и я не осквернила девственно чистые сиденья его великолепной машины желчью моей души, которую судорожно исторгал желудок. Добрый доктор заботливо придерживал меня за плечи, пока я, согнувшись пополам, пыталась избавиться вместе с шампанским от горечи обиды на моего летуна и на собственную безмозглость.

– Бедная девочка, – сказал он и погладил меня по голове. Вот тут бы расплакаться, чтобы окончательно полегло, но человеческой натуре просто необходимо найти виноватого. Я взорвалась и начала орать, что он активно «подыгрывал» мне весь вечер и своевременно наливал «бедной девочке» шампанского.

– Я делал только то, чего вам хотелось.

– Вы всегда это делаете?

Мне хочется ударить его по самоуверенной физиономии. Также мне скорая помощь. Хотите отравиться? Пожалуйста! Хотите жить? Поможем! Я хочу, чтобы он убрался ко всем чертям, но вместо этого даю спокойно усадить себя в машину и молчу, насупившись, всю дорогу. Голова трещит, и глаза слипаются. Мне плохо. Как же мне плохо. Сегодня я только и могу, что ныть, жаловаться на свою судьбу. Может быть, завтра будет легче.

Я отдала ему ключи, потому что силы покинули меня, потому что ноги стали ватными, а голова раскалывается и каждый шаг отдается миллионами врезающихся в мозг осколков.

Он осторожно довел меня до двери или, вернее сказать, доволка, как санитар в кинофильме про войну (одна рука на плече, другая на талии, голова «раненого» набок), и бесконечно долго возился с заедающим замком. Танюша по этому поводу вечно верещит, что однажды меня ограбят. Я отказываюсь от подарка в виде бронированной двери и обещаю сама себе вызвать слесаря, правда, не знаю, откуда его вызывают.

Добрый доктор не церемонился: снял с меня туфли, плащ, плотно завернул в одеяло и отправился на кухню. На этой кухне, кроме меня и друга Инки Микаэлевны, давно никто не хозяйничает. Ему безразлично, или, как Фибка говорит, фиолетово. Он делает все с видом человека, не сомневающегося в своей правоте. Так должно быть: маленькая кухня его подружки надралась до чертиков и как индивидуум, давший клятву Гиппократу, он просто обязан протянуть руку помощи. Фу, что за день такой, ни одного доброго слова, ни о ком. А Золотой Мальчик мог, между прочим, высадить меня из машины возле дома или вообще отказаться везти, что более характерно для молодых людей моего поколения. Этот терпеливо выслушал, утер, дотачил, теперь еще пытается привести меня в чувство. Очень жаль, но поплакать не получается. Я всегда завидую нашим кумушкам, способным рыдать по любому поводу, а уже через полчаса чувствовать себя обновленными, возрожденными и готовыми лбом про-

бивать стену, у которой только что проливали слезы. Мне это не дано. Чуть-чуть спасительной влаги, когда ею оделяли, мне не досталось, поэтому переживания по поводу стычек с шефом, бестолковость и лень студентов, Танюшина жадность – удар под дых, надолго отбивающий у меня охоту зубоскалить с Фибкой или нормально воспринимать окружающее.

Мой доктор спокойно поит меня из ложечки и нежно, как ребенка, поддерживает под затылок.

– Дострели меня, браток, – мрачно прошу я и откидываюсь на подушку.

Мой «юмор» ему не по нутру. Наши врачи – самые гуманные на свете (это у меня из детства), и поэтому я вижу в его глазах решимость бороться за меня до конца.

Зубы стучат, и чудодейственный напиток Танюшиного друга мне на пользу не пошел. Желудок заворачивается и разворачивается кольцами, прошибает холодный пот.

– Это любовная горячка. Дайте мне умереть! – придуриваюсь я. Это все, что остается. Любовная горячка – слишком громко, а вот насчет умереть... Душа точно вон просится.

Я смотрю на его тонкие пальцы, и хочется прикоснуться к ним, хочется, чтобы они погладили меня по щеке, пробежали по затылку. Я хочу, чтобы он остался. Остался не потому, что надо заполнить образовавшуюся пустоту...

– Закрывай глаза, – тихонько шепчет он, и его дыхание касается моей шеи.

Я послушно закрываю глаза и, замерев, жду. Он приподнимается с пола, где все время сидел.

– Не уходи.

– Я не уйду. Спи.

У него зачаровывающий голос. Мне становится неловко, хочется окончательно оглохнуть, чтобы не слышать его мягкий, вкрадчивый тембр. Кажется, я снова маленькая девочка и мне приснился сказочный принц с золотыми волосами.

– Ты мне снишься, – бормочу я, вдруг охрипнув, не открывая глаз, и обхватываю его шею руками, чувствуя мягкость золотых волос и приятное тепло кожи.

От него исходит тонкий, едва уловимый, аромат одеколона и еще чего-то незнакомого, волнующего. Он гладит меня по голове и баюкает, как младенца. Открыв глаза, я вижу его удивленный взгляд, мне кажется, он даже испуган. Больше всего на свете мне нужен сейчас этот рыжеволосый человек с синими глазами, который видит меня насквозь и, похоже, способен чувствовать и понимать меня. Мы так близко друг к другу. Он прячет свое лицо у меня на шее, и горячая волна захлестывает все на свете.

Я уже не думаю о некоем П., который может быть сейчас с другой женщиной. Я не вспоминаю о том, что мужчина с золотыми волосами, чьи губы чувствую на своей шее, сегодня утром еще не существовал в моей жизни. Я знаю его целую вечность. *Déjà vu*?⁶ Кто объяснит чувство тревоги, когда попадаешь впервые в незнакомое место и точно знаешь, что ждет тебя за поворотом или дверью? Как сказать ему, что когда-то давно эти руки уже обнимали, а это тело уже любило тебя? Где ты так долго был? Почему столько долгих лет я провела без тебя? Не сон ли ты? Не исчезнешь ли ты так же внезапно, как и появился?

Он что-то шепчет, осыпая мою кожу горячими поцелуями, но я не слышу, меня окутала плотная тишина. Я способна только чувствовать каждую родинку, каждый изгиб, складочку его тела, от которой все дрожит и стонет во мне. Кажется, это сон и я боюсь проснуться, боюсь, что долгие поцелуи, от которых заходится дыхание и останавливается сердце, – плод моего возбужденного ума. Я схожу с ума от тоски по незнакомому мужчине, с которым так давно пыталась стать одним целым, или безумствую от страсти к единственному и желанному, которого мысленно называю Великой Любовью.

---

⁶ Дежавю. Дословно «уже виденное» (фр.).

У моих студентов заспанный вид. Они медленно занимают места, рассаживаясь преимущественно на галерке. Еще бы! После часовой паузы, проведенной в буфете или в сквере на скамейке перед центральным входом, надо напрягаться. Иностранные языки будущим Пировым и Боткиным не даются. На улице мягкая теплая осень, а в аудитории до тошноты пахнет краской. Честно признаться, у меня тоже нет желания торчать здесь. Работа.

Я хорошая тетенька и никого не мордую (любимое выражение Фибки Домбровского), а доверительно, почти ласково пытаюсь объяснить моим тунеядцам, что образованный врач должен время от времени научную литературу в иностранных журналах почитать.

Опыта убеждения у меня маловато, но все-таки иногда появляются желающие (исключая упорных отличников, конечно) пополнить ряды цивилизованных обитателей этой планеты.

После вступительной речи о пользе Fremdsprache⁷ прошу напрячься и предлагаю коронный тест.

– Двоек ставить не буду. Пока. Желающие могут оставить автограф.

За окном беззвучно моросит дождь. Пешеходы прибавили шагу. Море разноцветных зонтов и нескончаемый поток машин. Темно-зеленый «форд» остановился на противоположной стороне улицы, и мне стало ясно, отчего с утра сосет под ложечкой и хочется спрятаться ото всех.

Надо быть полной идиоткой, чтобы переживать, так реагировать на встречу с человеком, который с переменным успехом так давно морочит мне голову.

Появление Павла в моей жизни очень озадачило Танюшу, и она долго относилась к нему как к существу второго сорта, младшему брату по разуму, считала его извращенцем, отдающим предпочтение партнерам с некоторыми уродствами. Поняв, что для Павла я в некотором роде то же, что для нее – Валюша, она успокоилась, простив даже отсутствие интереса к ее персоне. Редкий случай. Танюше как кислород необходимо внимание. Она чахнет, если рядом нет человека, потакающего ее капризам, своего рода вампиризм, которым она страдает, вытягивая из окружающих способность сопротивляться. Павел же относится к числу немногих, владеющих даром смотреть сквозь Танюшу, не замечать присутствия и не морщиться от ее навязчивой манеры общаться.

Глупейшая ситуация. Сейчас он увидит меня у окна и решит, что я караулю его, как верная собачонка. Хотя откуда ему знать, в каком окне маячит силуэт терпеливой и всепрощающей подруги, которая еще вчера была уверена, что сошла с дистанции. Все сначала? Новый день, новый бой? Сколько можно, девочка моя, наверно, пора остановиться и признать, наконец, свое поражение, не питать ложных иллюзий, потому что это все ненастоящее и ничего не вырастет из отношений, кроме того, что есть.

Подтянут, красив, как всегда. Женщины оглядываются. Еще бы! Как с рекламной картинки «Летайте самолетами “Аэрофлота”».

Пускай подождет. Я жду иногда неделями. Не бежать же сломя голову, перепрыгивая через ступеньки. И без того неподъемный портфель догружаю «отчаянными попытками» моих эскулапов и медленно бреду на кафедру. Расписание на завтра. Плащ. Кто-то «одолжил» мой зонтик. Впрочем, прогулка под дождем на сегодня отменяется.

Он стоит у подъезда и широко улыбается. Неотразим. Даже лучше, чем Делон в молодые годы.

– Ты замечательно выглядишь.

Ему очень нравятся строгие костюмы и блузки, которые просто кричат о благосостоянии моей семьи, обувь, стоящая пару зарплат простого коллеги-преподавателя. Он не устает повторять, что Мадам, моя мамочка, – настоящая женщина, если научила меня так одеваться, держаться, разговаривать и прочая и прочая. Иногда кажется, что мы так долго почти вместе

---

⁷ Иностранного языка (нем.).

только потому, что меня можно показывать не стыдясь, не боясь, что залью вином скатерть, посажу соусом пятно на блузку или скажу глупость.

Он еще не теряет надежды познакомиться с ней. Почему-то я всегда откладывала этот важный шаг, наверно, боялась услышать неодобрение из уст такой безупречной Дамы. Может быть, хорошо, что этого так и не произошло, поэтому не придется придумывать оправдания одно нелепее другого, чтобы не чувствовать себя ущербной и неспособной завязать нормальные отношения с мужчиной, если мы с Павлом окончательно расстанемся. Я оставила себе пожарный выход, подстраховалась, где-то внутренне понимая, что все может прекратиться так же внезапно, как и началось.

Я благодарю за комплимент и, как последняя дура, улыбаюсь в ответ. Это слабость. Или болезнь. Три года встреч урывками, в спешке, в перерывах между бесконечными полетами, какими-то курсами, ремонтом квартиры, до сих пор далеким от завершения, шумными вечеринками и вечными друзьями.

Мне хочется, чтобы он спросил, как я жила без него, чтобы прижал к себе и сказал, как в первый раз: «Я больше тебя никуда не отпущу!» Мне хочется успокоить гложущую тоску и предчувствие приближения чего-то непоправимого, но он слишком перевозбужден, переполнен впечатлениями, ему не до моих «хочу». Сунув небрежно пакет и усадив в машину, весело рассказывает о полете. В пакете чудесный шарф и тонкие перчатки из мягкой замши. Он настолько внимателен. Естественно, на улице осень, а маленькая девочка вечно теряет перчатки и забывает о своем горле. А может быть, все не так плохо и я насочиняла себе страшную историю, в которой нет ни капли правды? Если наши отношения так плохи, если я ему совершенно безразлична, зачем тогда нужны эти встречи, почему дарит подарки, помня мои слабости, привычки и вкусы?

Он мастерски ведет машину, лавируя в потоке, избегая столкновения с пешеходами, выскакивающими тут и там почти из-под машины, и постоянно говорит, не останавливаясь ни на минуту. Я слушаю вполуха и смотрю на грязную, размытую картинку за окном, на потоки воды, разлетающиеся брызгами из-под несущихся автомобилей, на многоцветие зонтов на фоне хмурого неба и никак не могу понять, почему и зачем я еду с ним. Я совершаю поступки против нормальной, здоровой логики, веду себя глупо и не могу остановиться. Зачем нужны отношения, которые не приносят ничего, кроме неудобства, неудовлетворения, недовольства собой? Кто пострадает оттого, что они прекратятся? Я понимаю умом, что не нужна ему так, как нужна любимая женщина, он прекрасно обходится без меня!

У дома, продуваемого ветрами, среди чахлах оцетинившихся колючками кустиков, ведущих к канаве, именуемой оврагом или иногда парком, он загнал машину на стоянку, охраняемую дюжиной ободранных дворняжек и помятым дядькой, который тут же высунулся из вагончика. Меня вечно коробит от его наглой физиономии. Он смотрит, прищурившись, усмехается и, вероятно, сплевывает за моей спиной, сравнивая с другими девицами. Для меня не секрет, что этих «других» Павел также катает на своей новой машине и приводит в гости. Я, опустив голову, жду, чувствуя, как нарастает недовольство собой и мое терпение приближается к последней капле.

В обшарпанном лифте многоэтажки он прерывает поток восторженных эпитетов об Испании, чтобы сообщить, что завтра летит в Питер. Но никто не спросит, может, мне тоже прокатиться до замечательного города в компании красивых и веселых людей. Мы могли бы чудесно провести время.

За дверью слышна возня и громкий лай, удары лапами по металлу, упрятанному под тонкий слой дерматина, словно собака Баскервилей поджидает свою очередную жертву. Павел засмеялся и что-то забормотал, торопливо выпуская своего любимого монстра на волю.

Собака, больше похожая на теленка (бог его знает какой породы), прыгает с порога и принимается лизать руку хозяину. Сейчас это чудовище радо даже мне. Собака – единственное

существо, которое, очевидно, ему дороже всего на свете. Конкуренцию этому псу я составить не могу. Я привыкла делить его со всеми: с «Аэрофлотом», с друзьями-приятелями, которых не счесть, с женщинами, которые делят его со мной, наконец, с собакой, которая меня игнорирует, очевидно, чувствуя во мне слабого противника.

В квартире все тот же бардак, что и неделю назад. Шаткая конструкция из поставленных друг на друга стульев грозит в любой момент обрушиться на голову в узком коридоре, голые стены хранят еще кое-где остатки старых обоев. Единственное место, где можно жить, – его маленькая спальня, половину которой занимает топчан, застеленный китайским покрывалом цвета бордо, покрытым темными пятнами неизвестного происхождения и затканым разноцветными драконами. Абажур на потолке заменяет кусок обоев, прикрывающий голую лампочку, на стене – плакат какой-то группы, в углу на кресле лежат сваленные в кучу вещи, явно нуждающиеся в стирке, на трюмо с поломанными дверцами рассыпана мелочь и масса всевозможных безделушек. Сегодня я собираюсь изображать этакую брезгливую штучку и не стану наводить порядок.

– Я поеду к себе, – неожиданно для самой себя сказала я холодно. – Дел много.

Павел уже сменил форму на джинсы и свитер и собрался гулять с собакой. Сегодня придется обойтись им обоим без моего общества. Так не греющая меня перспектива вымокнуть и извозиться в грязи оврага вдруг кажется совершенно глупой. С какой стати я должна выгуливать этого монстра? Из романтического ужина тоже ничего не выйдет.

Павел удивлен и обескуражен. Впервые за три года я ухожу потому, что мне это нужно, вдруг появились дела, которые невозможно отложить. Ему остается только пожать плечами. Я оглядываюсь по сторонам, убеждая себя, что вижу все это в последний раз: и пудреницу под кроватью, и фужер с отпечатками губной помады. Внезапно лопнувшее терпение подняло чувство раздражения и злости на саму себя. Я зла, как же я зла! Столько лет уговаривала саму себя, закрывала глаза на чужие вещи в квартире, будто оставленные специально на видном месте, словно самка хищника метила свой Revier⁸. Я дошла до оправданий типа: это его сестры, живущей на той же лестничной клетке. Зачем, простите, ей оставлять серьги в ванной или губную помаду в ящике комода? Я – удобный экземпляр подружки: всегда под рукой и ни одного выяснения отношений за три года. Моей глупости так долго хватало на то, чтобы не замечать перестановок в квартире, сделанных по-хозяйски женской рукой, вороха фотографий в незнакомых мне компаниях с другими женщинами. Неужели это я, умница, подающая когда-то такие надежды, превратилась в наиглупейшее существо: Dumme Gans⁹. Чем я думала в это время? Или в это время не думают?

– Ты позвонишь, когда твои дела кончатся? – спросил он, похожий на херувимчика с пухлыми губками и пепельными вьющимися волосами.

– Непременно, – киваю, искренне надеясь, что мои дела никогда не закончатся, а его телефон будет вечно занят.

– Послезавтра? – поинтересовался он, пропуская меня в кабину лифта и придерживая собаку, рвущуюся на волю.

Павел что-то почувствовал, но я не собираюсь его обнадеживать, я сама еще не знаю, хватит ли у меня сил выкинуть из головы мысли о принце, которого давным-давно выдумала, смогу ли запретить самой себе жалкие попытки натянуть на него этот образ, понять, что он не тот, кого так долго жду. Лучше сейчас поставить все точки самой, чем однажды, найдя в очередной раз в его квартире вещи другой женщины, услышать: да, ты не единственная. О чем речь? Никто никому ничего не обещал. Просто сосуществовали время от времени под одной крышей, время от времени спали в одной постели...

---

⁸ Территорию (нем.).

⁹ Глупую гусыню (нем.).

Может, это и не любовь вовсе? А просто боязнь остаться одиноким и никому не нужным? Привычка?

Такси, высадившее пассажира у соседнего подъезда, медленно развернулось, выплескивая веером воду из луж на тротуар. Павел пронзительно свистнул и замахал рукой. Собака сорвалась с поводка и понеслась, как торпеда, в овраг, оправлять свои надобности. Чудесно, мне совсем не хотелось даже прикоснуться к его уже грязной, пахнущей свалывшимся мокрым валенком, шкуре. Павел так обожает свою псину, что готов воспринять мое нежелание почесать «мальчика» за ушком на прощание как оскорбление всему его роду до седьмого колена.

Я подставила ему на прощание щеку, словно мы расстаемся на пару дней, дала себя обнять и улыбнулась, вдруг почувствовав, что не ощущаю больше потребности видеть его, прикоснуться, чувствовать, слышать. Я уже не люблю и не ненавижу его! Что-то отключилось и больше не греет. Тупик. Из которого пора выбираться.

С облегчением спряталась от морозящего дождя в спасительное тепло такси с запотевшими стеклами. Перед лобовым стеклом еще раз мелькнула его фигура, затрусилась по тротуару, резво перескакивая через лужи, вдогонку за собакой...

– Эй, дальше чердак!

Я остановилась как вкопанная и долго не могла прийти в себя. Он внимательно смотрит на меня и отступает. Высокий, красивый, хорошо одетый мужчина с зачесанными назад золотыми волосами, опускающимися на воротник мягкими волнами. Что он делает в моем доме, под моей дверью?

– Привет.

Не хватало только посетителей. Наверное, Танюша прислала его со своим очередным купи-продай. Откуда он взялся? Почему раньше я его не видела? Не из волшебной же лампы он появился, чтобы исполнить все желания кузины?

– Может, в другой раз... – он в нерешительности остановился, почувствовав мое отвратительное настроение и нежелание иметь с ним дело, и спрятал за спину тоненькую папку, которую держал в руке.

– Нет уж, выкладывайте, коль пришли, – неласково возразила я, гремя ключами. Мой голос похож на скрипучую старую дверь. Настроение свободы, которое я так радостно приветствовала, удирая от Павла час назад, очень быстро выветрилось из моей головы. Кажется, вот-вот начнут одолевать сомнения, так мне свойственные. Можно все вернуть на свои места, потому что, как человек очень осторожный, никогда не рублю сторяча и не совершаю необдуманных поступков.

– Каюсь, плохо посещал уроки английского... – И виновато добавил: – Танюша сказала, что вы – гений.

– Танюша явно преувеличивает. А переводами я не занимаюсь, и это она знает. Очень жаль, что вы потратили время, ожидая меня.

Как-то все это резко и совсем не похоже на меня. С Павлом я молчу или соглашаюсь, а с этим из меня просто потоком выплескиваются все гадкие эмоции, накопившиеся за время общения с другими.

– Катастрофически не хватает времени. Если только через неделю...

В конце концов, его вины в моих неудачах на личном фронте нет. И даже то, что он знакомый Танюши – еще не повод топтать его ногами.

Он вошел следом за мной в коридор, взял из рук портфель, помог снять плащ.

– Это не к спеху, – сказал спокойным голосом и внимательно посмотрел на меня, словно пытался понять, как себя вести, потом вдруг улыбнулся, и мне стало легче: слава богу, нормальный, незакомплексованный человек. Павел бы уже тысячу раз обиделся, надулся, как избалованный ребенок, и все испортил, а я бы искала способ разрядить обстановку. Впрочем, с Пав-

лом я себе подобных вольностей не позволяю. А этот улыбается – и ни тени раздражения на лице.

Пока я переодевалась, он включил чайник и даже нашел чашки.

– Кстати, Танюша сердится на меня и заодно и на вас за побег с ее праздника. Когда я вернулся, она рвала и метала... – Он смеется и смотрит на меня с видом заговорщика.

Еще одно слово, и я кинусь на него с кулаками. Это не мой принц! Верните мне моего принца, не дайте очередной раз поцеловать обыкновенную лягушку. Его спас телефонный звонок. Неизвестно, как бы весело было этому Золотому Мальчику после того, как я наговорила бы кучу гадостей о нем, его связи с Танюшей и...

– Ну, здравствуй, дорогая моя. – Танюша возбуждена, и хорошо, что между нами сейчас приличное расстояние, мне с нею в рукопашном бою не справиться.

– Здравствуй, душенька, – ответила я медовым голосом, подыгрывая кухне. Этот ее вечный приторно-сладкий голосок!

– Ты пропала, не звонишь...

Я никогда не звоню Танюше, но она игнорирует мое слишком явное желание обходиться в этой жизни без нее. Что-то в психике Танюши не так, она вечно ведет себя как разлученный близнец, стремящийся во что бы то ни стало воссоединиться со своей половинкой. Ей никак невдомек, что, родившись и выросши единственным в семье ребенком, я эгоистка до кончиков ногтей, что не люблю, нет, ненавижу коллективную опеку, задыхаюсь в перенаселенных чужими людьми комнатах, испытываю отвращение к переполненному транспорту и чужому дыханию за спиной. Я редко задерживаюсь на кафедре, стараюсь не спускаться в метро, избегаю троллейбусов в часы пик и лучше просижу голодной пару дней, но доеду на такси до места назначения. Мы с Танюшей два сапога пара – психически нездоровые, каждая со своей дурью, и категорически отказывающиеся признать за кем-то право взять верх.

– Телефон не в порядке? – прервала мои размышления Танюша.

– Ты что-то не в духе... – предположила я, позволив Танюше выпустить пар, в чем тут же раскаялась.

– Будешь тут в духе! – резко ответила она. – Чем вы там вчера с Ильей занимались?

– Ну-у! – засмеялась я, прикрыв ладонью трубку, представляя мечущуюся весь день Танюшу, копящую в себе злость. Она так долго держалась – и вот наконец прорвало!..

Похоже, Золотой Мальчик догадывается, с кем я так мило беседую, и отводит в сторону хитрый взгляд.

– А чем, по-твоему, могут заниматься две особи мужского и женского пола? Спариванием, моя дорогая!!!

«Золотой» доктор хохочет, широко раскрыв рот, даже не представляя себе, как я его в этот момент ненавижу. Танюша фыркает в трубку. Всем полегчало, кроме меня. Малышка не в себе, скажут они при встрече и от души посмеются над моими фантазиями. Чего еще ждать от этой липучки, которая как моллюск готова присосаться к любому. Достаточно посмотреть, как летун с ней обращается. Она себе так всю жизнь выдумала! Все самое романтическое случилось с нею во сне.

Неужели так трудно оставить меня в покое? Чем я заслужила все это? Ответа нет.

Мы молча допиваем остывший чай. Нам не о чем говорить. Мы незнакомые и чужие друг другу люди.

Он аккуратно поставил чашку и поднялся:

– Спасибо за чай. Я рад, что вам уже лучше.

Если на меня нашло, то это надолго. Я киваю головой: чего уж там, пожалуйста за чай, и сегодня мне значительно лучше, чем вчера.

– Кстати, пекусь о фамильной чести, признайтесь, Валюша рогат?

Он ответил легко, без тени волнения на лице, глядя мне в глаза, как человек с чистой совестью или непревзойденный актер:

– Не знаю.

– Вот и хорошо.

– Кому хорошо? – нахмурившись, спросил он.

Тут бы успокоиться, но бесенок, не дающий мне спокойно жить, отрезал:

– Всем.

Мне плохо, но я обещаю сама себе: то ли еще будет.

Павел уже давно вернулся из Питера и наверняка успел куда-нибудь слетать. «Послезавтра» прошло две недели назад. Иногда кажется, что плохо мне не оттого, что Павлу так и не пришлось в голову поинтересоваться причиной моего отсутствия, а виной всем неприятностям Танюшин Золотой Мальчик, которого я приняла за кого-то другого, такого знакомого и желанного.

В аудитории уже не пахнет краской, теперь холодно и неудобно. Студенты, как обычно, выглядят сонными и очень измученными. Первый курс, еще не привыкли, не настроились и не могут понять, что делать со свалившейся на голову свободной и взрослой самостоятельной жизнью. За окном идет дождь. Тоска. Моя мамочка бодро поставила по телефону диагноз: авитаминоз и переутомление, не забыв прибавить «аггравация». И на том спасибо. От поездки на каникулы к ним (мамочке и ее супругу) в гости я вежливо отказалась, сославшись на занятость. Моей мамочке остается только вздыхать и говорить, что я себя гроблю и в мои годы надо думать о семье, а не о работе, тем более что работа у меня не ахти какая. Она права, но по всему получается, что, кроме как работать, я больше ни на что не способна. Я универсальный преподаватель, способный заменить любого у нас на кафедре, и никогда не отказываюсь, потому что у всех дети, внуки, а у меня даже мыши в доме от тоски и одиночества не заводятся.

Девушка с прической «перышками» мямлит, нервно листая учебник, и, определенно, не знает, что с чем спрягают и где про это написано. Как ее там? Архипова.

– Садитесь, Архипова, мы бы с удовольствием вас еще послушали, но, к сожалению, время неумолимо.

Студентка на пару лет старше меня и поступала раза три-четыре. Она меня ненавидит. Не могу сказать, что я питаю к ней очень нежные чувства, но, поскольку мы в разных категориях, она позволяет себе что-то сердито бубнить под нос, не решаясь протестовать открыто, а я только кисло улыбаюсь. Может быть, эта самая Архипова станет великим врачом. Тогда уж точно заработает на переводчика.

– Ну те-с, пара в небытие, ума вам не прибавилось. К следующему занятию повторить прилагательные. – Тоска. Им скучно. У них море конспектов, а эта тетка, или как там меня, со своим немецким. – И, естественно, «тысячи». У кого нет текстов, с удовольствием поделюсь.

Если бы они знали, как мне хочется сбежать отсюда! Это все не мое. Показав однажды характер, я не имею права отступать. Теперь я стала умнее и поняла, что начальник всегда прав. Надо только покаяться, и все вернется на круги своя. Какое-то время старые коллеги пошушукаются, но я буду заниматься наукой и Архиповы с их «перышками» не будут портить мне кровь. Надо только решиться. Но у меня бараний характер, и принципами я не поступаю. Если я уверена в своей правоте, повернуть вспять меня невозможно. Поэтому я сижу в «неязыковом» медицинском институте, где мои способности и знания никому не нужны и кафедра физкультуры стоит значительно выше, чем «иностранцы» и «русский язык» (для студентов дружественных стран).

Я выглядываю в окно и ловлю себя на поисках зеленого «форда». Ну уж нет. Умерла так умерла (как говорит Фибка). Кто-то сказал, что сначала забудешь глаза, потом – фигуру, потом – запах, а однажды утром проснешься – и его уже нет. В каком-то фильме. Ожидание однажды кончится, и придет покой и свобода. Я устала и вымоталась. Хочу избавиться от гаданий «при-

едет – не приедет». Мне нужна свобода. Свобода ото всего, даже от навязчивого Traummann¹⁰. Он может быть только в мечтах, в фантазиях, а в жизни преобладают летчики Павлы и друзья детства Фибки: одни используют тебя, других – ты. И ни намека на полное единение, на те самые две половинки. Ради чего жить? Моя мамочка утверждает, что каждая женщина мечтает выйти замуж. Она «намечтала» уже двух мужей.

Aufgabe¹¹ не из простых, потому что я до сих пор не пойму, нужно ли мне это: дети, газеты, телевизор и пепел на ковре...

Фабиан Домбровский – единственный отпрыск гордой фамилии – два раза в год стойко отбивается от принудительного выполнения гражданского долга, которое я называю «осенне-весеннее обострение нелюбви к Отечеству». Виктор Кукин каждый раз не упускает случая указать Фибке на его неправильное отношение к долгу и начинает свой рассказ со слов: «Когда я служил в Афганистане...» Я глажу Фибку по взъерошенным волосам и тоном сердобольной мамочки советую лентяю поступить в аспирантуру. Фибка в аспирантуру не хочет: великий контроль над собой презирует, именуя себя гениальным свободным художником от программирования, подчеркивая тем самым, что в нашем институте на него молятся, как на бога, потому что лишь ему под силу не дать развалиться этой шарашке (вычислительному центру), предоставляют полную свободу и хорошее содержание (о некоторых выгодах, которые можно извлечь, имея свободные руки, Фибка скромно умалчивает).

Мое зубоскальство по поводу преимущества строевой дисциплины и гигиеничности коротких стрижек выводит Домбровского из себя. Он обзывает меня «кровожадной дикаркой», Кукину же ставит диагноз ППС (Фибка очень гордится своей начитанностью). Тем более что воинственный коллега «Улисса» не читал¹².

Перебранка заканчивается примирением, и Домбровский получает в пользование заветный ключик от чердака, именуемого «каморкой Папы Карло». Никто теперь и не вспомнит, кто «перепутал» чердак с подвалом, но ни Фибку, ни меня подобная оплошность не смущает, главное – конспирация. После каждого Фибкиного посещения тихой комнатки с импровизированной кроватью из старых стульев, сундуков и побитых молью подушек (Танюшу бы в эту обитель!) на обоях в невинный голубенький цветочек появляется очередная цитата из великих, вроде: «Предпочитаю женщин, которые читают бегло: с ними быстрее добираться до конца главы, а во всяком деле, и в любви тем более, надобно всегда иметь в виду конец»¹³.

Фибка всегда ставит дату и размашистый автограф, словно готов подписаться под каждым словом.

Зная, что я страшно расстраиваюсь из-за его художеств, Фибка пытается раззадорить меня и посмеяться, называя «пуританочкой» через слово (да, пуританочка, нет, пуританочка, согласен, пуританочка, исправлюсь...). Он никак не может примириться с присутствием «летунов» в моей жизни, поэтому доводит записочками-цитатами, оставляя их повсюду или посылая e-mail: «Многие наделены удивительным талантом привязываться к совсем неподходящим людям»¹⁴.

Я рассердилась, получив очередное послание, скомкала листок конспекта и запустила в него бумажным шариком.

– Не твоё дело, – сердито бросила ему и на все попытки примирения отвечала упорным молчанием. Я могу стерпеть глупые выходки его девиц, визжащих по ночам на чердаке Замка,

---

¹⁰ Мужчины моей мечты (нем.).

¹¹ Задача (нем.).

¹² Роман Джеймса Джойса.

¹³ Теофль Готье «Мадемуазель де Мопен».

¹⁴ Бригита Райман «Франциска Линкерханд».

пропустить пикантные замечания в адрес коллег-женщин и злые – мужчин, но ни за что не соглашусь обсуждать свою частную жизнь с другом детства.

Он уселся, загородив своим двухметровым телом то скромное пространство на кафедре, которое я привыкла считать своим, и делает вид, что осознал, прочувствовал и очень сожалеет о своих выходках. На самом деле Домбровский – самое бесстыдное и трепливое существо, которое только можно себе представить. Мои попытки хотя бы научить его держать язык за зубами потерпели полнейшее поражение. Фибка неисправим.

Он схватил меня в охапку, чтобы встрясти примирение: самый традиционный способ улаживания отношений для Домбровского.

– Ты – членистоногое, – отрезала я, отпихивая его цепкие руки и спотыкаясь о выставленную подножку.

Фибка пришел в восторг:

– Потрясно, вот бы было замечательно вместо конечностей...

– О господи, – запричитал Кукин, до этого изображавший из себя невидимку, и схватился за голову, – неужели только об этом ты и можешь думать?!

– Конечно, нет. Давай поговорим о новой программе для вашей кафедры! – оживился Фибка, дурашливо почесал затылок и уставился не Кукина невинным взглядом. – Ты предложишь что-нибудь новенькое?

Кукину тяжело рядом с нами: мы, по его понятиям, – избалованные детки, родившиеся в рубашке с серебряными ложками во рту (знания и таланты в счет не идут, даже это, по его мнению, – просто везение). Наша вина заключается в том, что у Кукина не было условий, чтобы стать таким же развязным, как Фибка, болтать, как сорока, на иностранных языках, писать программы и очаровывать девушек. Даже рост Домбровского ставится ему в вину. Обо мне говорить нечего: одни только тряпки чего стоят! Мы – то самое поколение золотой молодежи, которому Виктор Кукин завидует и открыто ненавидит.

– Ты – извращенец, – отмахнулась я.

– Ничего подобного! – треснул Фибка кулаком по столу. – Извращенец – это тот, кто убивает свою жертву, занимается с нею сексом, а потом закусывает на ужин, запивая хорошим вином.

– И-и-и, – сморщилась я.

– Пойдем, у меня разыгрался аппетит, – заорал Домбровский и потащил меня в столовую.

Иногда кажется, что коридор кишит клонами семьи Кукиных: они везде и чаще порознь, чтобы быть в гуще событий, ближе ко всякого рода действиям и ни за что не упустить ни единого слова, сказанного где-то не им и совсем не для них. Кукины напоминают мне паучью сеть, липкую, противную и неистребимую.

Фибка увидел Курочку Кукину и помчался занимать стол поближе к ней, лавируя среди студентов с основательно загруженным подносом. Есть в нашей столовой зал для преподавателей, но Домбровскому нужна аудитория, желательна юная, свежая и с длинными ногами, а профессорско-преподавательский состав таковыми качествами совсем-совсем (любимое Фибкино словечко) не обладает.

– Ты, Полина, ничего не понимаешь в мужчинах! Я – добрый, нежный, ласковый... – широко улыбаясь, театрально произнес Домбровский.

– И не ешь женщин, – продолжила я.

– Я, конечно, люблю вкус женщины... – Его тон стал загадочным, глаза затуманились, и на лице появилась плотоядная улыбка.

Я запустила в него шариком из скатанного хлебного мякиша, попав точно в лоб.

Оттопыренные уши Курочки Рябы покраснели, она подалась вперед, чтобы лучше слышать Фибкину болтовню.

Фибка довольно заржал, проигнорировав мое меткое попадание, потянулся, сложил на животе ладони и, прищурившись, сказал:

– Я – гурман, если ты понимаешь, о чем я, пуританочка...

– Ты – циник! – взвизгнула я, попытавшись запустить в Домбровского очередным «снарядом».

– Ну вот, я в тысячный раз пытаюсь объяснить тебе, дорогая подруга детства, что я страстно влюблен в тебя последние лет двадцать, а ты никак не хочешь... – он схватил мою руку, разжал пальцы и прижался горячими губами к ладони, навалившись на стол и глядя при этом мне в глаза.

– Только не со мной! – выдернула я руку и засмеялась. – Твои уловки, намеки и вздохи меня не проведут! Когда ты только успел научиться.

– Главное, где? На твоём чердаке.

– О! Я тебя больше не пущу.

– Ты хочешь, чтобы я таскался по городу, как школьник, или снимал грязные комнатки, кишасшие тараканами, у старушек на часок-другой?

– Тогда, по крайней мере, я верну себе покой и тишину.

– Она орет как сумасшедшая! – Фибка в очередной раз навалился грудью на стол, так что звякнула посуда. – Кусается, царапается! – и захохотал во все горло, потом оттянул воротник свитера, демонстрируя красные полосы на груди.

– Зоопарк. Почему я все это тебе позволяю? – как можно спокойнее попыталась ответить я и принялась ковырять салат из моркови, который, если честно, терпеть не могу.

– Думаю, ты тоже влюблена в меня, только не хочешь признаться, – сказал самоуверенно Фибка, рискуя получить ложкой по лбу.

– Если бы это было правдой, я расцарапала бы тебе твою нахальную физиономию и пожаловалась мамочке.

– Ты, коварная! – рявкнул Фибка. – Только не мамочке!

– Она тебя перевоспитает:

Родная мать уже по чину

*Надежный друг единственному сыну*¹⁵.

Только с Фибкой я могу вот так дурачиться, чувствовать себя выпущенной из собственной шкуры. Мне иногда хочется бунта, пускай даже такого, какой предлагает Фибка. Ни одной Кукиной с их любовью к сплетням и доносам меня не испугать, когда рядом Домбровский.

Я по натуре страшная трусиха и сама никогда не решилась бы вести себя, как Фибка и многие его подружки. Фибке плевать, он никогда и нигде не скрывает своей свободы, любвеобильности и безнаказанности, что сражает наповал первокурсниц. Он обожает молоденьких, неискушенных овечек, наставляет их, учит терпеливо и не торопясь, если верить его байкам.

Он приехал, позвонил осторожно в дверь.

– Илья Зимин.

Вид у меня, наверно, довольно глупый, если он представляется еще раз, как старушке, страдающей склерозом и каждый раз спрашивающей: «Ты кто?»

– Я помню. У меня только с ушами не в порядке.

Не очень-то вежливо, но ведь я его в гости не звала. Возвращаешься домой с кошачьим скребом на душе, а тут – Золотой Мальчик во всем своем сиянии! Он явно приложил усилия, чтобы понравиться своей подружке Танюше. Черные свитер и брюки совершенно не выглядели на нем мрачно или траурно, наоборот, как нельзя лучше оттеняли его хорошо подстриженные ухоженные волосы. Слишком часто в последнее время я окружена чужими красивыми мужчинами, которым что-то от меня надо.

---

¹⁵ Строки из Д. Г. Н. Байрона «Дон Жуан».

– С чем пожаловали? – спросила у него.

Он не отреагировал на мой сердитый тон, прошел в квартиру, положил на комод в прихожей ключи от машины и устроился в кресле. Он даже не взглянул на свое отражение в огромном зеркале, которое занимало стену напротив двери в коридор. Вот чудо! Павел не может пройти мимо зеркал, вечно любит, как Нарцисс, своим отражением даже в витринах магазинов.

– Я говорил, что мне у вас нравится?

– Нет, но, судя по тому, как вы себя ведете...

У Танюши проблемы, а решать их нужно мне. Надо ехать на дачу и в очередной раз общаться с Валюшиными партнерами. Зачем мне все это? Почему она никак не может оставить меня в покое? Тяжело быть в «родстве» с непробиваемыми личностями.

– Будете ждать в машине, или отправитесь на кухню?

– Вы наверняка голодны! – осенило Зиминына.

Очень предупредительно с его стороны – позаботиться о моем желудке.

– Уверен, как только вы поужинаете, все станет казаться не таким отвратительным, даже я. Признайтесь. Вы меня терпеть не можете.

– Признаюсь.

– Вот и славно, уже легче?

За что? Ну почему я должна терпеть его в собственном доме? Пока я переодевалась, Золотой Мальчик приготовил бутерброд из того, что нашлось в холодильнике, и, надо признать, сделал это весьма профессионально.

– Спасибо, – буркнула я. – А вы?

– Я уже ужинал.

Конечно, поэтому жизнь ему не кажется такой противной, даже от общения со мной.

– Так и будете сидеть и смотреть мне в рот?

– Простите, ухожу. Сам терпеть не могу, когда на меня смотрят.

Надо же, а мы, оказывается, тоже очень чувствительны! Он путешествует по моей квартире и с интересом рассматривает всевозможные безделушки, так не дающие спокойно жить Танюше.

– У вас потрясающая квартира! – воскликнул Зимин.

Танюша испытывает ко всему этому такое же чувство, только она еще и хочет все это иметь. Ей не дают покоя картины на стенах, о которых она знает больше меня, потому что привыкла все делать обстоятельно и выяснила, кто и сколько стоит. Она глотает слюны, глядя на огромный резной буфет с посудой, трясется от прикосновения к полированной поверхности старого кабинетного рояля и обшитых темным деревом панелей на стенах. Ей не дает спать библиотека и точит как червь зависть при виде безделушек, которыми мамочка, тетюшка Полли и я время от времени себя украшаем. Танюша не может смириться с тем, как несправедливо распорядилась судьба и отдала все эти богатства в руки женщине, которая не придает особого значения вещам, просто пользуется и не знает им цену.

– Какая замечательная библиотека, и вообще у меня такое чувство, что я уже все это видел тысячу раз.

Ага, в моем сне! Какой же замечательный сон я видела однажды! Какое богатое воображение я вырастила себе в этом заколдованном Замке. Эта библиотека наделала много вреда детскому уму: нельзя было в изобилии держать такое количество рыцарских романов поблизости от слишком впечатлительной девочки. Но кто же мог подумать, что все эти толстые фолианты с ятями активно читаются по ночам с фонариком под одеялом! Ни моему деду, ни Мадам не могло прийти в голову, что девочка, пищащая на отлично сочинения про подвиг на Малой земле, будет читать весь этот романтический бред.

– Мы опоздаем, – сказал он тихо, где-то совсем рядом, над моим ухом.

Я оглянулась и чуть не упала, столкнувшись с ним.

– Я стану еще и зайкой, – сказала, высвобождаясь из его объятий. Он хитро улыбнулся, развернулся на каблуках и пошел в коридор за моим плащом.

Танюша встретила нас очередным «наконец-то» и потащила Зими́на в другую комнату. Я заставила себя не смотреть на эту сладкую парочку. Что-то похожее на ревность шевельнулось внутри. Какое мне дело до этих двоих, так мило по-семейному беседующих в сторонке?

Это какая-то чужая жизнь, в которую я нечаянно, против своей воли, вторглась, не мои друзья и разговоры. Надо выбросить из головы Зими́на, поболтать с Танюшиными подружками и Валюшиными партнерами и убраться восвояси. Следующий раз надо быть потверже и не пускаться в дверь ни Коняевых, ни их Золотого Мальчика.

Валюша представил мне молодого человека приятной наружности и попросил познакомиться его со всеми. Молодой человек оказался милым и интересным собеседником, совершенно не готовым к разношерстной компании моих дорогих «родственников».

– Не смущайтесь, я здесь тоже не в своей тарелке.

Он воспринял это с облегчением. Мой новый знакомый оказался начинающим драматургом и братом какого-то партнера.

– Кажется, мы с вами приглашены на этот праздник в качестве интеллектуальной прослойки среди деловых людей, живущих на те самые два процента, – заметил он, и мы рассмеялись.

Мне понравилась его манера говорить громко, жестикулируя руками. Этаким замечательно-шумно-очаровательный, умный мальчик с симпатичной мордашкой и приятной, весьма приятной манерой держаться. Он рассказал про свою новую пьесу, которая пойдет через две недели на фестивале молодых-начинающих, расписал и сыграл в лицах и картинках. Мы хохотали до упаду. Ах, почему он не влюблен в меня? Почему я не чувствую его своей половинкой? С ним так легко и забавно! С ним можно идти рядом, забыв невзгоды, и смеяться надо всем, что кажется сейчас грустным. Он именно тот, кто смог бы спасти меня от черной тоски и безысходности, накатывающей вместе с глухотой и полным непониманием происходящего. А может, я опять выдумываю и на поверку он окажется брюзгой, нытиком и жадиной? Ах, дорогая моя, вздохни глубоко, забудь сказки и пойми, наконец, что всех принцев давно схоронили рядом с их принцессами, Золушками и лягушками. Баста!

На прощание мой новый знакомый, записав телефон, сказал, что будет рад встретиться вновь, но в другой обстановке.

Золотой Мальчик накинул мне на плечи плащ, открыл дверцу машины и уселся за руль. Он был совершенно не в духе.

– Вы, верно, проголодались, – сказала я удовлетворенно. – Что, Танюша не позаботилась о вас?

– Зато вам удалось провести замечательный вечер. Молодой писатель пришелся явно по вкусу вашей милости. Настроение улучшилось, и вы больше не похожи на маленькую девочку, заблудившуюся в лесу.

А принц-то зол не на шутку!

– Мир, – вскинула я лапки кверху. – Давайте доедем спокойно до дому и расстанемся по-хорошему.

Он не ответил и дулся всю дорогу. На кофе я его не пригласила.

Очаровательно прошел вечер. Я довольна, что у Золотого Мальчика отвратительное настроение! Не знаю почему, но мое второе «я» сидит и ликует внутри. Почему меня радует, что Зимин сердится? Может быть, дело не в нем, а в молодом человеке, обещавшем позвонить и так трогательно державшем на прощание мою руку? Как знать, как знать...

Мамочка сказала бы, что я размениваюсь на мелочи, или охарактеризовала бы мое поведение метанием в трех соснах. Подсознательно, порвав с летчиком, я ищу себе замену, опору, чтобы выстоять и не чувствовать себя одиноко хотя бы в мыслях. Мечтать и придумывать, как

провести предстоящий выходной, и время от времени ощущать тепло любящего тебя существа. Вот что бы она сказала.

Что на это ответить? Чтобы чувствовать тепло рядом, не обязательно позволять кому-то перестраивать и переиначивать жизнь, нет необходимости ломать устоявшийся порядок, можно просто завести себе собаку, и вот тебе теплое существо рядом. Можно даже носки связать, не только прижаться...

Она не права, и мне не нужен тот самый, что спасет меня от одиночества, мне нужен тот, кто не сможет жить без меня. Кто способен будет расстаться и пожертвовать для меня всем, что дорого в жизни. Мне нужна жертва, которую принесет мне человек, любящий без оглядки и сожаления. Я способна на такую любовь, поэтому вправе ждать ее от того, кто захочет быть рядом.

Но в жизни почему-то происходит вечная игра в одни ворота.

Впрочем, если рассудить здраво, забыв все обиды, то Павел был не тем, кто способен на великие чувства, я же в свою очередь не испытывала мук и мое сердце не остановилось, когда его не стало рядом. Привычка и желание найти того самого Mister Perfect¹⁶.

Он не нашелся и вряд ли найдется...

Надо запастись десятком-другим любовных романов и научиться лить слезу умиления потому, что мужчины прекрасны, как тот самый недостижимый, а женщины божественны и преданны, несмотря на все испытания. Почему бы нет? Я стану похожей на тетю Полли!

На террасу падают с шелестом сухие листья. Сквозь лепестки хризантем струится мягкий солнечный свет. Это единственное место во всем необъятном мире, где можно спрятаться от окружающих. С тех пор, как Танюша выклянула у меня разрешение пожить на даче, я провожу здесь все свободное время. Как удивительно приятно вот так сидеть, подставив лицо нежарким редким солнечным лучам и закрыв глаза, не думать о том, что ждет завтра. За целую неделю тяжелых кровопролитных боев со студентами и коллегами, многочасовой работы в библиотеке и за компьютером любой человек ощутил бы потребность в одиночестве и покое.

Автоответчик прилежно запишет все звонки, а меня нет. Испарилась, растаяла под скудным октябрьским солнцем. Превратилась в паутинку, зацепившуюся за коричнево-золотые лепестки хризантем.

Меня нет, я растворилась в своем одиночестве, в ворохе листьев, в бездонно-синем небе, которое бывает только осенью, и в скудых лучах солнца. И чувства, и желания погружаются в сон до следующей весны. Хочется просто не открывать глаза, оставаться в этом забытии.

Я, наверно, ненормальная, раз стремлюсь к одиночеству. А как же стадные чувства, желание опоры и поддержки? Кто сказал, что человек, стремящийся к одиночеству, – или святой, или сумасшедший? До святости далеко, с сумасшествием, кажется, ближе к теме. Я действительно ненормальная, если сочиняю сказки, верю в них и отчаянно сопротивляюсь попыткам окружающих помочь мне стать такой, как все, чтобы не выделяться. Фибка утверждает, что это пройдет, а если нет, то я преждевременно состарюсь, превращусь в сушеную воблу и озлоблюсь на весь мир, потому что человек не может жить в одиночестве. Это Домбровский не может прожить и дня в одиночестве, это ему нужно внимание и восхищение. И потом, как можно назвать одиночеством вечную толчею вокруг, постоянное надоедание дорогих самозванных родственников, коллег и сослуживцев? Я настолько не одинока, что хочется забраться в самый глухой угол этого шарика и затаиться, чтобы никто не знал, куда спряталась. Прекрасно знаю, что они имеют в виду, но не могу же я всерьез поведать всему миру историю о прекрасном принце и моем задержавшемся детском упорстве его дождаться.

Отчаявшись дозвониться, молодой и начинающий драматург пришел в институт с букетом красных роз и торжественно вручил пригласительный билет на свою пьесу. Он так востор-

---

¹⁶ Мистера Совершенство (англ.).

женно смотрел, что у меня просто не хватило сил отказать. Я почти забыла о нем. Моя осенняя хандра поглотила его вместе с дурашливыми ужимками, задорным смехом и манерой громко разговаривать.

– Я очень часто вспоминал вас и уже прожужжал все уши друзьям, поэтому просто не могу теперь не показать своим друзьям! Они сочтут меня хвастуном и выдумщиком.

Ну как можно спокойно пройти мимо, не принять приглашение, столь наивное и искреннее? Я, конечно, приду, сяду рядом и весь вечер буду исполнять роль подружки. Он умчался довольный, предупредив, что, как всегда, дел будет невпроворот до самого спектакля, поэтому я не должна пугаться, если он не появится вовремя. Я не боюсь, что меня бросят и придется сидеть одной. Чепуха и условности. Я взрослый человек и вполне могу пережить, если кто-то косо посмотрит в мою сторону: у нас принято осуждать женщин без спутника, даже в театре. Мне все равно. Та самая поговорка про рака не про меня. Безрыбье меня не угнетает.

Несмотря на морозящий дождь, публика усиленно курила у входа, все весело перекликались и подставляли щеки для поцелуя друг другу. Этакая полусемейная обстановка, где все про всех все знают и любят обсуждать при встрече. Все и везде одинаково: что у Коняевых, что в институте, что у моей мамочки на званом вечере. Какое счастье, что я никого не знаю и никому не обязана кивать и улыбаться, потому что так принято.

– Полина, – произнес кто-то над моим ухом, и я сжалась.

Вот я и принадлежу к некоему кружку, уже не одинока и могу чувствовать себя раскованно, махать руками и хохотать во все горло, в общем, как все, потому что отовсюду мне широко улыбаются такие замечательные, милые лица: Танюша – кузина, Коняев – почти родственник и Золотой Мальчик – почти член семьи почти родственников. Танюша вырядилась в красное платье с глубоким вырезом. Когда она идет, кажется, что надвигается крейсер «Аврора», толпа расступается и на мгновение затихает. Вокруг нее в воздухе носится что-то вызывающее, наэлектризованное до треска. Всякое ее появление – небольшой, хорошо отрепетированный спектакль на благодарную публику, которая таращится и наверняка задает себе вопрос: «А это еще что?»

Проталкивавшийся с пригласительными билетами драматург Иванов тоже узрел милую компанию, расплылся, растекся в сладкой улыбке и тут же стал мне противен. Они залились соловьем, на все лады расхваливая друг друга. Сбежать бы. Я вечно сижу меж двух стульев, и духу не хватает сделать единственное движение, чтобы раз и навсегда перестать ломать ненужную комедию, чувствовать, что я – это я, не мамочкина глупая дочка, не сумевшая научиться элементарным законам выживания, не Танюша...

– Осторожно, дорогая, – вдруг произнес над самым ухом Зимин, – он женат.

– Спасибо, – сказала я слишком громко.

Танюша нахмурила тонкие брови и взяла Илью под руку. Тот широко улыбнулся и без тени смущения поведал о своем предупреждении. Мужчины коварны.

С чувством юмора у меня плохо. В нашем доме относились ко всему слишком серьезно, поэтому смеяться над собой я не умею, подыгрывать окружающим не получается. Они снисходительно улыбаются, кивая понимающе головами, даже мой кавалер, которого я должна опасаться, как заговорщик подмигивает и весело смеется. Всем весело. Я чувствую себя болваном, не способным даже притвориться, что все понимаю и принимаю правила игры.

Настроение испортилось, увяло как роза, приколотая к волосам. Все неискренне. Зря старалась в очередной раз: очаровать, покорить не получилось; прическа кажется слишком старомодно-целомудренной, платье – чересчур закрытым, а лицо – слишком бледным.

Пьеса мне не понравилась. Фибка бы меня понял и выдал бы фразу из знаменитого кинофильма: «Искусство в большом долгу». В исполнении автора на даче было смешнее, интереснее и не пошло, но режиссер увидел все иначе. Народ вежливо похлопал, подарил цветы и взял

автограф. Я забила в угол, ожидая молодого, талантливого и подающего, нервно придумывая, как бы отделаться от его улыбок и шуток.

– Ну как? – восторженно спросил он, надуваясь от собственной значимости, и ловким движением фокусника размашисто черкнул на моей программке.

– Гениально! Я умирал со смеху! – громко сказал вынырнувший из толпы Зимин и затряс Иванова за руку. Драматург опять взмахнул золотым пером, оставляя след для истории на программке Зимина, который вдруг крепко прижался грудью к моей спине и спросил:

– Тебе понравилось, дорогая?

Я кивнула бестолково, попытавшись оторваться, но Зимин крепко сцепил руки вокруг моей талии и прижался еще крепче ко мне, опустив подбородок на плечо: непринужденная картинка близости, полного слияния и взаимопонимания. Мой разочарованный кавалер вдруг кого-то увидел, помахал рукой и, попросившись, нырнул в толпу.

– Теперь можете отпустить. Моя честь не пострадала, если можно так выразиться в данной ситуации, – прошипела я, оглядываясь по сторонам, мне не очень хотелось нарваться на сцену ревности с участием Танюши.

Он вдохнул воздух у моей щеки, расцепил сплетенные пальцы и отступил на шаг. Я больше не ощущала спиной его груди, не чувствовала его тепла. Разочарование – вот все, что осталось от его прикосновений. Мы молча дошли до машины, он открыл дверцу – ни жеста, ни малейшей попытки прикоснуться ко мне, скучающий взгляд человека, исполнившего свой долг. Меня спасли от меня самой! Может быть, надо было оставить неразумную кузину Танюши в покое, не стремиться защитить и уберечь? От кого? Меня нужно спасти от рыжего доктора, ведущего себя более чем странно: трепетно обнимающего на глазах потенциального соперника и почти зевающего наедине с отбитой жертвой. Зачем отбил? Кому?

*...Как та собака,
Что лежит на сене...¹⁷*

– Спасибо за испорченный вечер, – произнесла я, выходя у своего дома из машины.

– Не за что, – бросил он, сощурился глазами. – Вам, конечно, хотелось романтики...

– И этого тоже.

– Может, отвезти обратно? – Он с готовностью распахнул дверцу и добавил раздраженно: – Думаю, веселье в самом разгаре.

– Спасибо. Обойдусь без вашей помощи.

Он уехал! Просто сел в машину и уехал.

В последнее время Фибка появляется лишь в самых исключительных случаях: ему не до меня. Похоже, Домбровского никогда не мучают воспоминания, трогательная ностальгия по ушедшим временам – наш с Инкой удел. Фибка смотрит исключительно вперед, шагает семимильными шагами по пути взросления и возмужания. Ему надоело быть младшим в нашей троице. Он бьет себя в грудь кулаком и каждый день доказывает окружающим (женщинам и девушкам), что он мужчина зрелый и опытный.

– Не будь такой жадиной...

– Моя уважаемая соседка, многодетная мать, пригрозила полицией нравов, если не перестану таскать мужиков и устраивать оргии (цитата), – попыталась я отделаться от надоедливого Домбровского, который битых пятнадцать минут пытался разжалобить меня.

– Не может быть, – заорал Фибка.

– Что ты так ревишься? Она не шутит! Самое отвратительное, что, по ее мнению, это я ору как сумасшедшая, сливаясь с тобой...

---

¹⁷ Строки из «Собаки на сене» Л. де Вега.

– Класс! – он плюхнулся на рабочий стол, бесперемонно отодвинув в сторону мои вещи и прикусив нижнюю губу, пытался сделать вид, что усиленно над чем-то задумался.

Я рассердилась. Всякой шутке есть предел. Моему драгоценному другу детства наплевать на все. А мне нет.

– Только не говори, что никогда не представляла себе такую картинку, – рявкнул, встре-пенувшись, Фибка.

– Еще чего! Меня тошнит от одной только мысли о поцелуе с приятелем по песочнице. Совсем с ума сошел! – перешла я на крик и спихнула его со стола. – Уноси ноги, пока не треснула тебя линейкой по лбу. – В этот момент я не шутила и не понадобилось повторять дважды. Он прекрасно знает, что дразнить меня в некоторых случаях, а сейчас был именно такой, небезопасно.

К обеду он пришел мириться, хлопнулся на колени между столами и протянул шоколадку. Кукин прошипел: «Шут гороховый», забился в угол широкого подоконника и усиленно старался делать вид, что читает.

– Мир? – Он тут же развернул шоколадку и откусил половину. – Ты все равно шоколад не ешь.

С ним бесполезно спорить, его не переделать. Какое счастье, что у меня нет брата, похожего на это сексуально озабоченное чудовище, на этого прилипалу и мастера клянчить ключи от пустующих комнат. Я отдала ему ключ, процедив традиционное «в последний раз».

– Сдай мне жилплощадь, и я буду исправно платить и защищать тебя от многодетных соседак.

– Тогда ты поселишься над моей головой навсегда и повесишь красный фонарь на лестнице и я не смогу избавиться от тебя, как от Танюши с Валюшей, – кивнула головой. – Кстати, знаешь, чем кончил Казанова? Серая картонка в левом углу, на французском. Словарь одолжить?

– Какая ты сегодня добрая, – передразнил Фибка и положил на стол два билета. – Если бы не твой отвратительный характер, сводил бы тебя в театр. А теперь топай сама.

– Спасибо, друг, – ответила я с вызовом.

Фибка сделал на прощание ручкой и направился к двери.

– Когда она орет, клади ей подушку на лицо, – посоветовала я вслед.

Домбровский послал в ответ воздушный поцелуй и с серьезной миной произнес:

– Я тебя тоже люблю.

Кукин посмотрел на меня с осуждением, пробормотал что-то про падение нравов, испорченность золотой молодежи и бедных честных тружеников, которые вынуждены мириться с детками больших родителей...

– Собирайся, – сказала я Инке, – Домбровский купил у меня кровать за два билета на «Собаку». Пойдем?

Инка взвизгнула в трубку. Потом заохала:

– Я не одета... А кавалеры будут?

– А как же! Ты – мой, я – твой.

– Заманчиво!

Мы договорились о встрече. Ехать переодеваться было уже поздно. Я повязала дежурный шарфик на шею из волшебной сумочки и распустила волосы. Волшебная сумочка – идея моей мамочки, которая выражается кратко и весьма воинственно: не дай застать себя врасплох, что означает запасные шарфики-косыночки, немнущийся пуловер нейтральной расцветки (кофе всегда проливается, а крем из пирожных выдавливается исключительно на блузку), пара чулок. Еще один девиз мамочки: «У женщины должны быть в порядке две вещи: голова и ноги». В детстве я с трепетом следила за ритуалом одевания, продуманного до мелочей, примечала каждую деталь, мечтая стать такой же замечательной, красивой. Увы, второй такой потрясаю-

щей мамочки из меня не получилось. Я росла как мальчишка с вечно разбитыми коленями и синяками. Процесс подготовки к выходу из дома был слишком долг и утомителен, я просто не могла усидеть до конца. Мамочка снисходительно трепала чад по щеке и говорила папочке: «Вся в тебя», тут же забывая о моем существовании. А когда вспомнила – оказалось, время ушло, из угловатого подростка выросла нелюдимая девушка, страдающая от назойливости окружающих, выдумавшая себе глухоту и спекулировавшая ею. Мамочка всегда была уверена, что никакой болезни нет, это просто трюк, попытка обратить на себя внимание. Она пыталась наладить со мной доверительные отношения, делилась маленькими женскими секретами, покупала дорогие вещи, таскала за собой на приемы, премьеры и званые обеды. Что-то из запоздалых мамочкиных уроков засело, зацепилось в сознании против моей воли, как эта сумочка-выручалочка.

Инка топталась у театра. Перекладывая из руки в руку зонтик.

– Ну, где ты?

– Прости, больше не буду.

– Я бы тысячу раз смоталась домой переодеться...

– Не ворчи. Пойдем лучше поедим где-нибудь.

Настроение Инки моментально улучшилось:

– Умираю от голода.

Она схватила меня за руку и, выставив в сторону проезжающих машин зонтик, как регулировщик, зашагала через дорогу.

– Бесстрашная ты моя, нас однажды задавит кто-нибудь...

– Ничего подобного, у меня все под контролем.

Инка всегда так воинственно настроена, с нею не страшно, она мой самый надежный кавалер и защитник.

– Ничего поблизости нет, кроме этой забегаловки, – сказала она, ткнув пальцем в ресторан со швейцаром в бордовой ливрее в дверях. – У тебя деньги есть?

– Есть.

– А что, сегодня первое число? – с глупым выражением лица спросила саму себя и хлопнула ладошкой по лбу: – Совсем старая стала.

Инка гордится тем, что живет на собственным трудом заработанные деньги, а меня время от времени дразнит, приметив новую вещь или получив приглашение пообедать.

– Я разбогатею, вот посмотришь, – грозит она вечно.

Что посмотрим? Куда посмотрим? Инка время от времени взбрыкивает, становится сердитой, даже злой, потом отходит, говоря «родителей не выбирают», намекая на мое розово-пушистое детство с папой-мамой и материальную поддержку, мучаясь иногда приступами сиротства. Ее разбежавшиеся родители поначалу перебрасывали друг дружке любимое чадо, а потом, обзаведясь новыми семьями, просто подкинули бабке. Она никогда ни в чем не нуждалась, начиная от шмоток и заканчивая уроками музыки, но всегда чувствовала себя не в своей тарелке, попадая в семьи вроде моей или Фибкиной. А потом и вовсе осталась одна, без многочисленных родственников, которые, изображая Великое переселение народов, все до единого свалили за кордон (цитата).

Инка прекрасно знает, что все мои упорные отказы принимать подарки и деньги вызывают истерики у мамочки и укоры от отца, отчима и тети Полли.

– Ну что я могу с ними поделать? – вечно оправдываюсь я и время от времени сдаюсь, принимая «знаки внимания». Инка зовет этот день «первым числом». После подобного перемирия мамочка перестает твердить дежурное: когда у тебя будут свои дети, поймешь и не раз вспомнишь, о чем я тебе постоянно твердила. Я и без детей не забуду, тем более что в моей жизни до сих пор не нашлось человека, с кем можно было бы решить проблему наследников

гордой фамилии, хотя, может быть, она и права, однажды я стану говорить те же слова, поучая и наставляя, и ловить себя на том, что играю роль собственной мамочки.

Инка строго посмотрела на подошедшую официантку и произнесла:

– У нас очень мало времени.

Она делала заказ, подперев подбородок левой рукой, демонстрируя массивный золотой перстень с тигровым глазом, правой рукой водила по строчкам меню, словно царапала клеенку карточки кровавым длинным ногтем.

Я уткнулась носом в меню, чтобы не рассмеяться: Инка вечно придумывается, изображая из себя дамочку с претензиями. Ей это прекрасно удается. Благодаря своему росту, стати, манере держаться и хорошо поставленной речи, она прекрасно может убедить любого в чем угодно.

– Ты заметила, какие надменные у нас дамы в сфере обслуживания?

– Она себя так ведет, потому что, с одной стороны, винит во всех своих неудачах, начиная с двоек в школе, всех, кроме себя, а во-вторых, это тебя она обслуживает, а не ты ее.

– Ей бы хотелось наоборот.

– Забудь, главное, что нас особо задерживать здесь не будет, поэтому ешь и пойдем мечтать, – сказала я.

Мы с Инкой, как две старые клячи, вздыхаем и умиляемся, знаем наизусть «Собаку» и все равно пару раз в сезон с обреченностью смертельно больных плетемся смотреть спектакль – вернее, бормотать себе под нос гениальные строки. Ах, если бы почивший так давно в бозе автор знал о двух неустроенных, разменявших третий десяток дамочках, готовых шмыгать носами от умиления, вздыхать и ждать своего Теодоро... «Таким, как мы, посвящается...» нацарапала Инка на афише, красующейся на почетном месте в моем коридоре. Этот пожелтевший клочок бумаги – единственный мой вклад в строгую, почти аскетическую квартиру, мрачное жилище одинокой и не совсем нормальной, как называет меня Фибка, дочери почтенного семейства. Каждый раз, появляясь у меня, Инка касается ладонью глянцевої поверхности афиши, словно заряжаясь энергией долготерпения или давая обет дожидаться своего принца. Вздор, конечно, но так хочется верить...

Мы доехали в полупустом вагоне метро до моей станции, решив, что лимит излишеств на сегодня исчерпан, поэтому ехать на такси – непростительная роскошь. Дождик перестал. Морозный воздух щипал нос, тонкие струйки пара поднимались над прохожими. Мы прошли неспешно мимо ярких ларьков, демонстрировавших гордое изобилие спиртных напитков, шоколада и сигаретных пачек, вдоль длинной, ярко освещенной фонарями аллеи, милиционеров, стоявших у памятника, не обративших на нас никакого внимания, интересовавшихся больше, словно примерзшей к скамейке, парочкой подростков.

В подъезде пахло кошками, разбитая форточка от сквозняка ударялась об оконную раму.

– А теперь выкладывай, – сказала Инка угрожающе, плюхнулась на диван, сбросила туфли и вытянула уставшие ноги.

– Что?

– Только не говори, что тебя растрогала эта пародия на Диану! – надув презрительно губы, бросила моя нежная проницательная подруга.

Я слишком долго знаю эту зануду, чтобы обольщать себя надеждой обмануть ее.

– Ах, дорогая мисс Марпл! – Я закатила глаза.

Инка сложила руки на животе (терпеть не могу это стариковское перебирание пальцами) и нахмурилась.

– Танюша со своим данайским даром может возликовать: ее план (или это без злого умысла?) удался, троянский конь оказался златокудрым Адонисом, смущающим покой и готовым вот-вот разрушить неприступные стены моей цитадели. Мой алькасар готов пасть, сдаться на милость победителя, ворота трещат и разваливаются изнутри. Голубоглазое и златовласое

чудовище, родное дитя горгоны превращает меня в камень, лишь только я взгляну на него! Грация Танюша может спать спокойно: если она решит начать осаду с помощью своего прекрасного Золотого Возлюбленного, я капитулирую, истекая кровью, сдам позиции и буду молить о пощаде, – на одном дыхании выпалила я.

– Ух ты, – ляпнула в ответ Инка.

Время идет. Телефон периодически позванивает, но я играю в игру с собственными правилами, как в детстве. Если их строго соблюдать, никто не пробьется.

Дома все так же прилежно работает автоответчик, а в институте от приглашений к телефону я отмахиваюсь, говорю «некогда» и высказываю по срочно возникшим делам. Фибка Домбровский с наглой физиономией всякий раз говорит: «Мы в засаде» – и очень доволен собой. Побью, обещаю я, и никогда не выполняю, помня, что это двухметровое чудовище – экземпляр из моей маленькой коллекции друзей детства. Сто лет назад, не задумываясь, вцепилась бы хорошенько и глазом не моргнула, если заслужил. В ту пору вместо заверений в дружбе он чаще получал от меня пинки и подзатыльники, а став взрослее, приходил за советом, хотя сама я была не очень искушена в вопросах подростковых отношений. Поцелуи в подъездах и на последнем ряду в темноте кинозала доставались не мне. Я была слишком умной для одноклассников и считалась зазнайкой, впрочем, и по сей день мало что изменилось.

После общения с очередной дамой сердца Фибка устроился рядом со мной, вытянув свои ходули в проход, отчего мой закуток принял вид отгороженного помещения.

– Ну, рассказывай. – Он поудобнее устроился и скрестил руки на животе.

– Ты хочешь сказать, что стал гораздо искушеннее меня во всех житейских вопросах, мы поменялись ролями и теперь ты готов давать мне советы? Но мне нечего выкладывать.

Последнее время Фибка был занят исключительно своими проблемами. Его личная жизнь насыщена приключениями Дон Жуана. Этот долговязый детина пользуется безумным успехом у студенток. И вот он решил наконец снизить, притормозить скачку, промокнуть слезы, подставить плечо и ободрить старую подругу.

Фибка неуверенно покосился на меня, присполз на стуле и, глядя в потолок, спросил:

– Ты так считаешь? Вид у тебя не ахти какой счастливый. Выглядишь, прямо скажем, паршиво. Ты же умная девчонка!

Если Домбровский, с его постоянным выпендриванием, несет подобное, значит, это правда – и про ум, и про «не ахти какой счастливый» вид.

– Неужели ты думаешь, что какой-то носитель штанов стоит того, чтобы из-за него страдали? – чересчур, на мой взгляд, прямолинейно спросил он.

Я огляделась в ужасе по сторонам, боясь наткнуться на конопатый Курочкин нос у себя за спиной.

– Ничего страшного не произошло, просто нет сил, выдохлась. Черная полоса и глубокая, когда вынырну.

– Опять твоя осенняя меланхолия, – поставил диагноз Фибка.

– Мадам уже, конечно, позвонила? – Все во мне клокочет, и я готова треснуть Фибку линейкой. Великолепно могу себя представить, как этот недоумок подыгрывает моей мамочке, обещает на правах друга поддержать и помочь. В чем может меня поддержать этот мальчишка? Я смотрю на его самодовольную физиономию, и не хочется даже разговаривать.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Я молча указала ему пальцем на дверь и отвернулась, сложив на груди руки. Вопрос закрыт. Свое обещание моей мамочке он выполнил. Со мной все в порядке. Домбровский потянулся, хлопнул себя по животу и резко вскочил.

– Иду в буфет. Составишь компанию?

Я отказываюсь, но Фибка не уходит и в нерешительности топчется у своего стола.

– Чего тебе?

– Вопрос деликатный...

Он похож на красну девицу, двухметровый детина, потупивший от смущения глазки.

– Надеюсь, не студентка.

Честно признаться, мне совершенно безразлично, с кем проводит время Фибка в комнате под самым чердаком.

– Ни к чему не прикасаться, – почти с угрозой говорю я, опасаясь за пару коробок со старыми вещами, разобрать которые все не доходят руки.

Мой друг детства покорно мотает головой.

– Кстати, – осеняет меня, – не рекомендую обещать моей мамочке больше, чем можешь выполнить, а то я тоже пообещаю Зинаиде Петровне заняться твоей нравственностью...

Уверенности в том, что я не выполню своего обещания, у Фибки нет, уж слишком изменились наши отношения за последнее время и душевных бесед мы больше не ведем, а все больше придумываем маленькие пакости друг другу.

– Убирайся в буфет, – бурчу я, но, видно, не судьба, потому что на пороге появляется Витенька Кукин и торжественно произносит:

– Калерия Семеновна устраивает фуршет.

– По поводу?.. – вообще-то мне наплевать, по какому поводу, потому как эту старую каргу иначе, как Холера-Калера, я назвать не могу. Меня от нее воротит, а немцы по этому поводу говорят: *Ich kann sie nicht riechen*¹⁸.

– Именины у Кристины... – поет Фибка.

– Отвертеться не удастся. Даже срочная командировка на Марс или предсмертные судороги – не повод отказаться. Сначала засвидетельствуйте свое почтение, продемонстрируйте готовность, докажите преданность, а потом можете отправляться бороздить космические просторы или на свидание к самому Господу Богу.

Кукин преданность доказывает недавно, но усиленно. Его конопатая супруга, молодая и очень хваткая, добросовестно «работает дятлом» (Фибкино определение) и стучит без умолку. Может быть, Кукину накинут денег к Новому году, а может, и продвинут. Кукин – бельмо в глазу всей кафедры, и на его фоне остальные кажутся гигантами мысли и людьми наимилейшими. Но Кукина, похоже, это совсем не касается, он делает свое дело добросовестно и с душой. Фибка предположил, что злой гений в этой семье – жена и прозвал ее Курочкой Рябой из-за замечательной конопатости, а потом для краткости окрестил в Цыпочку. Цыпочка знает, как и что. Провалившись в наш институт трижды и оставив тщеславные попытки стать человеком в белом халате, она все так же бесславно трудится лаборанткой. На вопрос Фибки, собирается ли учиться, ответила с гордым вызовом:

– А зачем, я же вышла замуж за преподавателя!

Не может быть, сказала я сама себе, так не бывает. Фибка отреагировал проще:

– И сразу поумнела, – сказал он, и Цыпочка Кукина как личность для него скончалась.

Ах, какие мы все глупые! Надо найти достойного, составить хорошую партию, и ум из тебя поперет, как из рога изобилия. Фибка долгое время приставал к народу в столовой: если жениться на Софье Ковалевской, может ли из него получиться Эйнштейн. Мы дружно хохотали, и этот анекдот какое-то время развлекал народ на других кафедрах. Кукины нам этого с Фибкой не простили. Но трогать Домбровского – играть с огнем, достаточно вспомнить историю его появления здесь, чтобы понять, что простому постсоветскому смертному лучше сопеть тихонько в своем уголке и не напрашиваться на неприятности. Фибкин папа настолько велик, что лучше и не упоминать о нем все.

Итак, отказаться от участия в фуршете невозможно. Виктор Николаевич Кукин против каждой фамилии поставит галочку, что предупредил лично. Далее, всех присутствующих

---

¹⁸ На дух не переношу! (нем.).

сочтут по головам, проверят по списку и лишат за неявку премии (которой уже давно никто не видел) или последнему выплатят зарплату, а хуже того, вычеркнут из графика заграничных командировок. На все неприятности можно махнуть рукой (мне, пока есть на свете Коняевы с их желанием жить в «загородном доме», как все «цивилизованные люди»), но уехать на пару месяцев из нашей грязи и безалаберности и в тихий захолустный европейский университет – это ли не подарок, причем не к папе – маме, а к «никому».

Если бы мне было семнадцать! Ах, если бы! Можно было бы отказаться, в очередной раз дав понять, что баранье – трусливое стадо – не моя компания (надо же, какая «принцесса» выискалась!), и спокойно поработать в библиотеке или дома. Но последнее время я уже не играю в Aussenseiter¹⁹. Старею?

Народ постепенно заполнил кафедру, и Кукин повторил свое объявление.

– Итак, уважаемые коллеги, что будем дарить? – спросила Крылова. Мариночка Крылова – дока по общественным мероприятиям, а еще умница, каких поискать. В отличие от нас с Фибкой, терпит всех до единого и ни с кем не воюет, на ее территории военных конфликтов не случается. О терпимости Крыловой к студентам ходят легенды. Ее все любят, а если не любят, то усиленно скрывают, чтобы не выделяться на фоне общей массы коллег. Фибка постоянно оказывает знаки внимания в виде шоколадок и иначе, как Маринка, ее не величает. Крылова же на Фибку смотрит свысока своих пятнадцати лет разницы.

– Подарок должен быть недорогим, но... – начал Кукин и осекся, увидев Фибкину ухмылочку, – я на мели, дети...

– У всех дети, – парировала Крылова заносчиво.

Домбровский сказал что-то про недавно купленный кухонный комбайн, и Витенька Кукин принял позу бойцового петуха, а Фибка не унимался и говорил: Кукину не простят, если узнают, что он отказался сдать деньги, потому, что семья дороже, чем... Кукин побледнел, и нижняя губа у него затряслась.

Ну, поехали! Неужели у кого-то есть желание в свой честно заработанный перерыв пререкаться? Есть. Вместо того чтобы расслабиться, они будут спорить, махать руками. И все из-за какой-то ерунды. Подумаешь, Холерины именины! Только Фибке этот ор может доставлять удовольствие. Он резвится как младенец: предложил заказать лавровый венок, какими награждают победителей на скачках (надо же, столько лет отмахала!).

– А сколько, кстати, ей лет? – толкнул Домбровский меня в бок.

– Тайна, покрытая мраком, – сказала Крылова. – По последним данным, она старше шефа лет на шесть.

Фибка присвистнул. Молодец, старушка!

– Цветы, и все, – отрубила Светлана Ивановна.

Она подружка молодости Холеры и, хоть ненавидит ее люто, все-таки не может избавиться от этой дружбы, как я от Танюши. Народ успокоился. Светлане Ивановне лучше знать. И потом, взять с нашего брата нечего. Не все же являются обладателями квартир в старинных особняках, дач и родственников «на ответственных постах»... Эта тема – большое толстое табу, и никто, кроме Фибки, не посвящен в тайну моего более чем радужного семейства. Народ может только догадываться. В отличие от Танюши, я молчу как рыба и не затрагиваю тему материального благосостояния. О заграничных командировках тоже ни звука или лицемерно заявляю, что если пошлют – замечательно, а нет – с крыши не прыгну. Но туда посылают таких, как Кукин, и очень редко, потому что мы, во-первых, неязыковой вуз, а во-вторых, в стране со всем напряженка. Со вторым я, конечно, согласна.

– Ну что, шапку по кругу и разбегаемся, – предложил Фибка, глядя на часы. Крылова положила готовый список на стол, и народ полез за кошельками.

---

¹⁹ Чужак, аутсайдер (нем.).

– А почему сейчас цветы? – спросил супруг Светланы Ивановны, глядя на меня.

– Normalerweise²⁰, Сергей Николаевич, я этим не интересуюсь, но... – начала я и перевела взгляд на Фибку.

– Предлагаю поручить все Домбровскому как самому молодому и расторопному, – сказала Крылова. Фибка скорчил гримасу Марине и махнул рукой, что означало: решайте, как хотите, только поскорее.

– А вдруг не то купит? – заволновался Кукин, вспомнив, вероятно, про жокейский веночек.

– Ну сколько можно, Кукин, возьми тогда все в свои руки, поруководи, не знаешь как, спроси свою супругу... – взорвалась я.

Кукин обиделся, поплелся к своему столу, бормоча под нос, что я хамка, нахалка, зазнайка и прочее. Все облегченно вздохнули, словно спасли мир от катастрофы. Две недели смятения и недовольства собой закончились ужасной сценой с Кукиным. Словно провалилась в черную дыру. Кукин прав: хамка – нахалка – зазнайка – это я. И мне теперь совсем и на все с высокой башни, исключая сны... Странно звучит, но я ложусь спать в ожидании чуда, и если мне повезет, то рядом со мной всю ночь будет нежный, великолепный мужчина, обладатель золотых волос и небесно-синих глаз. Очень романтично. Не так ли? Я только что нахамила Кукину, пускай он и бездарь, но никто не заслуживает такого отношения. Что бы сказал Илья, если бы присутствовал при этой отвратительной сцене? Уже наяву начинаю мечтать о нем? Что бы сказал, что бы сделал... Это называется: сплю и вижу любовника (или не любовника?) своей кузины. Сладостные мысли о Золотом Мальчике прервал Виктор Кукин:

– Ты напрасно так про мою жену... – начал он решительно, – то, что тебе сказали, что она про тебя сказала...

Стоп. А что она сказала? Впрочем, не все ли равно? Изменит ли что-нибудь в моей жизни мнение Цыпочки Кукиной? Ровным счетом ничего.

– Давай забудем. – Я протянула ему руку. Договорились? Никто ничего не говорил. Извини, что у меня сорвалось.

– Это ты извини, что я...

Он облегченно выдохнул и, казалось, готов был заключить меня в объятия. Он выиграл, потому что, выведя из числа своих врагов нас с Фибкой (если я заключила перемирие, то и дружку моему придется помалкивать), значительно облегчил себе жизнь не только на кафедре, но и в институте. Надолго ли перемирие, сказать трудно, но в ближайшее время Виктору Николаевичу не придется выскакивать в коридор, как только мы с Домбровским откроем рты.

Позвонила Танюша и пригласила в гости. Празднество назначено на вечер, в честь подписания Валюшей какого-то очень важного контракта. Я вежливо отказалась: во-первых, еще свежо предание ее последнего выяснения отношений со мной, а во-вторых, приглашена на другое, не менее зрелищное мероприятие. Если не явиться на Холерин фуршет, кафедра съест меня живьем mit Haut und Haar²¹. Это будет похуже неявки на канувшие в Лету ленинские субботники. Чувствую себя Матросовым, бросающимся на амбразуру, но тот погиб за великое дело. А я? Очень хочется увидеть пустой зал, никто не пришел, и почувствовать моральное удовлетворение. Но стадное чувство коллег передается и мне, поэтому мое присутствие жизненно необходимо, чтобы, никто не пострадал из-за моих принципов.

Танюша выслушала мою тираду, уточнила время и положила трубку. Хорошая девочка. Полли и моя мамочка все-таки недостаточно времени ей уделяли. Вежливо сказать «здравствуй – до свидания» даже врагу – первое дело. Правда, у меня самой это не всегда получается. Танюша – это нечто непредсказуемое или чересчур предсказуемое: я точно могу сказать, каким тоном будет она разговаривать и с кем и как все закончится. Со мной она не церемонится.

---

²⁰ Обычно (нем.).

²¹ С потрохами (нем.).

Какие могут быть условности между родственниками? Я сказала «нет», она мне соответственно ответила. Очень в ее духе. Впрочем, сейчас трудно определить, что в чьем духе, поскольку сама я не соответствую высоким требованиям Мадам.

Я решила расслабиться, отдохнуть перед визитом в институт и забралась в благоухающую миндальным маслом ванну. День звонков и визитов? На Танюшу это не похоже, да вряд ли она примчится ради меня с дачи, бросив в самый ответственный момент подготовку и командование над нанятым на вечер персоналом. И звонок слишком деликатный, вкрадчивый.

– Илья Зимин, я помню, – сказала я, увидев его на пороге, ослепительного и слишком нереального, – простите, что встречаю в таком виде, но сегодня у меня неприятный день.

Он подошел ко мне совсем близко, наклонился и глубоко вдохнул воздух:

– Я бы с удовольствием провел ваш неприятный день там же, где и вы...

– Боюсь, это место совершенно не приспособлено для больших мужчин, – отступила я, чувствуя себя рядом с ним глупой и неуклюжей.

– И рыжих, – присовокупил он.

– Цвет, простите, не имеет никакого значения, – пожалала я плечами. Невиданное нахальство: не прошло и получаса, а Танюша прислала свою палочку-выручалочку. Мне осталось только капитулировать, как я обычно делаю, уступая напорам Танюши, и сдаться. А ведь обещала себе тысячу раз не идти на поводу, запротестовать и героически выстоять под натиском Коняевых. Увы, человеческая натура слаба, моя особенно. И потом, иногда легче просто согласиться. Это я оправдываю свою очередную трусость перед назревающим скандалом. Еще недавно поносила на чем свет стоит баранью трусость собственных коллег, и вот нб тебе.

Выпроводить кузининого гонца невозможно: он выполняет свое обещание и просто обязан доставить меня на дачу. Он, естественно, в курсе, что нужно отметить на Холериных именинах, поучаствовать в бесконечных разговорах «за жизнь», покивать одобрительно головой, слушая дифирамбы в честь первой леди нашего королевства.

Сейчас бы закутаться в теплый плед, забраться в любимое кресло и почитать давно отложенную книгу или просто послушать шелест дождя за окном.

– Кстати, пора уже перестать быть букой, – сказал он примирительно, – я не так плох, как вы себе придумали...

С чего он взял, что я себе что-то придумала?

– Как-то в голову не приходило, плохой вы или хороший, – защищаюсь я, а в животе много-много маленьких паучков царапаются своими лапками. – Но если это так волнует, буду считать вас... тебя своим другом. Или кузенком?

Он улыбается, а в глазах танцуют веселые чертики, и тыкается губами в мою щеку.

– Замечательно, вот и побратались, – киваю я и спасаюсь бегством в спальню.

Сердце глухо стучит, и я хватаюсь за горло, словно пытаюсь не дать ему выскочить. До чего же глупо устроены женщины! Не все, естественно, только те, что похожи на меня: не успела одного как следует позабыть, а уже от мысли о другом колени подкашиваются. Да еще о каком другом! Это не мой летун, порхающий от одной юбки к другой. У того все просто: je mehr, desto besser²². С Золотым Мальчиком значительно сложнее – здесь коллекцию собирают по принципу: чем сложнее, тем интереснее.

Ломать голову над туалетами – не моя привычка, достаточно того, что мамочка убивает уйму времени на мой гардероб, присылая вместе с пакетами и коробками длинный список, что с чем и куда. Ей все еще кажется, что я маленькая девочка, которой нужно постоянно стучать по спине, чтобы не сутулилась, напоминать про локти на столе и делать замечание за криво пришитый воротничок к форменному школьному платью. Я не отказываюсь от подарков и советов, тем более что не я живу в старой доброй Европе дольше, чем в родном отечестве, и

---

²² Чем больше, тем лучше (нем.).

знаю, что носят в этом сезоне в Париже или Милане. Приезжая на пару деньков, она морщится, глядя на витрины магазинов, и говорит: Schrecklich²³.

Ей виднее. Весь мой гардероб состоит из практичных и неброских вещей, глядя на которые даже непосвященный может сказать, что приобретались они явно не на вещевом рынке.

На сегодняшней вечер я приготовила совсем маленькое черное платье с длинными рукавами и совсем скромным вырезом, правда не настолько маленьким, чтобы закрыть один-единственный бриллиант, не дающий спать моей милой кухне. Подарок бабушки. А такие вещи не продаются, они остаются в семье до последнего. И финальный штрих, придающий окончательную уверенность в себе, – великолепные итальянские туфли, подарок Мадам. Мой выход, и фанфары вступают.

Танюшин гонец удивлен неожиданной метаморфозе. Такою он меня еще не видел. Хватит расстраиваться по пустякам, портить себе жизнь из-за неудавшихся романов. Я больше не собираюсь выходить в люди упакованной в строгий костюм, этакая засохшая вобла, как говорил Фибка, надоело. Сегодня все должно быть как-то иначе, как-то особенно. Не знаю почему, но не так, как обычно. Я торжествую. Мне нравится слегка ошарашенный вид Золотого Мальчика. А Танюше придется сегодня понервничать, потому что, как бы Валюша ни тужился, его супруге никогда не иметь ни скромных объемов, ни Мадам, заботящейся о своем чаде. Мне иногда кажется, что за холодным, чопорным фасадом проглядывает настоящее лицо моей мамочки и, пытаясь устроить личную жизнь своей девочки, она молодеет, словно переживает все заново, играет мою роль. Это так на нее похоже. Если бы она пошла в театр, то ее таланта и напористости даже хватило бы, чтобы стать знаменитой. Я довольна сама собой. Почему? Может быть, оттого, что мужчина, про которого я столько насочиняла, рядом и в его глазах читается восхищение? Но что-то похожее на ревность не дает спокойно наслаждаться собственным триумфом, и я порчу все своим замечанием:

– Кстати, вам совсем не идет роль извозчика.

Так ему и надо. Хочу чувствовать свободу, а не паучков в животе и не позволю никому снова влезть в мою жизнь и разбить, где-то там вдалеке, манящее равновесие.

Он преспокойно устроился в кресле и вытянул ноги в проход, загородив мне дорогу (точно Фибка).

– Я хорошо знаю обстановку в своей Alma Mater²⁴, поэтому считаю своим долгом сопровождать тебя, – с ударением сказал он. – И вывести без потерь, а что касается «извозчика», Танюша здесь ни при чем, я сам вызвался. Мне хотелось сделать приятное себе лично, а не Коняевым.

Итак, это не я его сразила, а он меня. Я только сделала так, как ему хотелось: все лучше провести вечер в обществе красиво одетой спутницы, чем училки с «дулькой» на затылке. Впору взорваться от его нахальства, но я молча топаю по коридору за плащом.

Он опередил меня, подал плащ, сумочку, по-хозяйски закрыл за собой дверь и положил мои ключи себе в карман:

– Это чтобы ты не сбежала.

Я промолчала, но не сдалась. Откуда он взялся на мою голову? Неужели окружающие так и будут пользоваться мною по своему усмотрению? Я для всех удобна: для Павла – внимательный слушатель, причем безмолвный, для Фибки – палочка-выручалочка, для Мадам – подопытный кролик для ее теорий, для Танюши – витрина, в которой выставлены все достижения семьи, для Золотого Мальчика – ...не знаю, но чувствую, что он играет со мной в кошки-мышки. Впрочем, рассуждения на тему «кому и что от меня надо» – слишком частое явление.

---

²³ Ужасно! (нем.)

²⁴ Старинное неформальное название учебного заведения. Дословно «мать-кормилица» (лат.).

Пора подумать и над ответом! Да, картинка мрачноватая. Я бормочу себе под нос песню, которую слушаю последние две недели:

*Zwei Tausend Stunden
hab ich gewartet...*²⁵

Он время от времени поглядывает в мою сторону и, наверно, думает: «А малышка-то с придурью». Ну и пусть, очень хорошо, замечательно. Мы всю дорогу молчим. Прекрасно, потому что мне совершенно нечего ему сказать.

В вестибюле полно народу. Все смеются и громко разговаривают. Я тяну время, поправляя прическу перед зеркалом (надо что-то сделать, надоело возиться с волосами каждый день) и вижу позади себя отражение Танюшиного друга, следящего за моими руками, нарочито медленно провожу по бедрам, поправляя платье. Интересно, что он чувствует, когда Танюша вот так прихорашивается перед зеркалом? Мое настроение значительно улучшилось за последние пару часов, а немного пудры и десятисантиметровый каблук придали уверенности в себе (комплекс маленькой женщины). Теперь мой кавалер всего лишь на голову выше меня. Уродившись ростом с Венеру Милосскую, я перепутала эпоху. Эталон красоты греков давно устарел. Я имею в виду рост, а не пропорции. Пропорциями на славу удалась Танюша, за что я на судьбу вовсе не в обиде.

Мне приятно смотреть на Илью, лениво прислонившегося к стене, явно скучающего. Это не его стихия. И не моя. Как удалось Танюше, обожающей всевозможные шумные вечеринки и презентации, заполучить этого уверенного в себе, не красующегося и не ищущего внимания, независимого мужчину? Наши дамы бросают заинтересованные взгляды, словно спрашивают: ты чей? Но он настолько спокоен и невозмутим, что остается только предположить: это самый равнодушный мужчина, которого я когда-либо встречала, или он страстно увлечен кем-то. Снимаю воображаемую шляпу перед Танюшиным искусством завораживать, очаровывать и приковывать. А что если... Почему бы хоть раз в жизни не попробовать взять принадлежащее якобы кому-то, но между тем желающее, чтобы его взяли? Танюшины громы-молнии – вполне осязаемое явление. Неужели я ее боюсь? Ну уж нет, чего-чего, а писклявых толстых баб никогда не боялась. Мои коварные планы прервал Золотой Мальчик: сказал, чертыхнувшись, что забыл зарядить мобильный телефон.

Ах, с ним и такое случается?! Mister Perfect сегодня не на высоте!

А дорогая Танюша, наверное, сидит на даче, и в трубке вежливо-безразличный голос сообщает, что «абонент недоступен».

Пробравшись сквозь плотную толпу приглашенных, я провела его на кафедру.

– Не уходи, – сказал он, удерживая меня, присев на краешек моего рабочего стола.

Я так и осталась стоять рядом, а он крепко держал мою руку в своей.

Набрав свободной рукой номер, как бы извиняясь, пожал плечами. Мне было неловко и тревожно, как в детстве. Я смотрела на его тонкие пальцы, крепко обхватившие мое запястье, и чувствовала, как краснеет лицо, заливая жаром все тело. Мне хотелось вырваться и удрать, спастись, потому что это уже не похоже на сон, это реальность, которая может быть не такой нежной и приятной.

– Это Зимин... – Его лицо напряглось, стало жестким и незнакомым. Я попыталась высвободиться, он притянул к себе и положил свою ладонь на талию, крепко сжав пальцы: ты попалась, поэтому стой спокойно.

– Приеду через час.

---

²⁵ Две тысячи часов я ждал (нем.).

Это была явно не Танюша. Слишком по-деловому, отрывисто и зло, вместо воркотни и сюсюканья.

Он придвинулся совсем близко, внутри что-то оборвалось и замерло.

– Если я волнуюсь – то глохну... – прохрипела я, – так что лучше не...

– Пока ты со мной, ничего не случится... – отчетливо услышала я над ухом. И вдохнула. Нас прервали на самом интересном месте, я как раз собиралась попросить объяснения сказанному. Но в этот вечер, вероятно, не только нам хотелось сбежать ото всех. Я ошиблась – это Кукин собирал в кучку нашу кафедру. Вероятнее всего, проверив всех по списку и не найдя меня в зале, он бросился на поиски.

– Кукин, я здесь и даже не одна, для численности привела с собой кавалера, – помахала я рукой и потащила Илью к выходу.

Я чувствую его ладонь на талии и клянусь себя за упрямство и ужасный характер. Я как китайский комсомолец: создаю трудности и успешно их преодолеваю. Кто это сказал? Неважно, но эти трудности, по-моему, мне никогда не преодолеть. Надо решиться раз и навсегда: или – или. Но это труднее всего. Инка в таких случаях говорит: «И хочется и колется» – правда, до недавнего времени это касалось только ее вечной диеты. Но остановиться всегда трудно. В данный момент мне нравится ощущать тепло его руки, его бедро, плотно прижатое к моему, его присутствие и заинтересованные взгляды коллег женского пола. Он склоняется, притиснутый ко мне почти вплотную веселой толпой химиков. Все громко разговаривают, но я слышу только гул и не могу различить ни единого слова. В таком состоянии мне хочется заткнуть уши и бежать, спастись.

– Злые языки утверждают, – говорит он, перекрикивая шум, – первая леди получила в подарок картину...

Его тоже не обошла стороной сплетня о некоем молодом и подающем надежды художнике, рискнувшем в нашем зимнем саду выставить свои картины. После закрытия недосчитались одной, самой удачной, отмеченной несколькими премиями. Он пытается меня развлечь, и только. Судя по всему, его не очень интересуют наши сплетни и ему так же наплевать, сколько унитазов и компьютеров стащили в институте.

Мимо проплыла Холера и одарила всех ядовитой улыбкой. Не удостоив меня вниманием, она что-то ласково сказала Цыпочке и дружески похлопала по плечу Кукина. Ушла, обдав всех волной духов, под аккомпанемент цепочек и браслетов. Надо подкинуть Танюше идею пригласить Холеру в гости. Жена преуспевающего бизнесмена, чем не дамочка из Холериного общества? Их величества любят застолья, когда все даром и надувание щек, когда вокруг полно непосвященных, преклоняющих колена перед высокими чинами. Они сойдутся по всем параметрам.

Холера двигается дальше в своих золотых одеждах, словно перешитых из театральных костюмов. В жестах, голосе, манере говорить звучит что-то фальшивое. Фибка называет ее «актрисой из погорелого театра». Мою бы мамочку сюда. Вот бы кому поучить ее манерам, хотя с этим или рождаются, или нет. Мне тоже не дано так гордо держать голову и вести беседу. Я не умею сказать на прощание: «Ах, нам будет вас не хватать» или, столкнувшись со злейшим врагом лицом к лицу, расплыться в сахарной улыбке, воскликнуть: «Какая приятная встреча!»

Мамочка умеет, но пользуется своими талантами умеренно *Taktvoll*²⁶. Холера же ведет себя, как левой ноге хочется (утверждает Фибка).

Народ распинается, гнет спину, а Холера шествует колченогой походкой в центр зала. Я бы давно споткнулась, зацепилась за что-нибудь, потому что терпеть не могу, когда на меня откровенно тарашатся, ей же хоть бы хны. Железная тетя.

---

²⁶ Тактично (нем.).

Торжественная часть началась с долгой и нудной речи шефа, в которой он хвалил на все лады достоинства своей замечательной супруги и соратника, советника и помощника. Что-то со мной не так, потому что, слыша подобные речи, всегда становится стыдно, хотя все это вранье не про меня. Чувства неудобства, похоже, испытываю не только я на протяжении долгих речей и тостов, мой спутник хмыкает и крепко пожимает мне руку. Все. Отговорились. Народ облегченно выдохнул и мгновенно разделился на небольшие группки.

Свет приглушили. Сейчас это напоминает мне дискотеки времен юности, которые не посещала, придя к выводу, что совершенно нет необходимости выставлять себя на посмешище и ждать с замиранием сердца, что мальчик, направляющийся в мою сторону, пригласит танцевать меня, а не соседку. Сегодня я не одна. Даже удивительно. Как это получилось?

Илья склоняется ниже, и мы медленно двигаемся в такт музыке. Легкое дыхание щекошет мои волосы у виска, и все воспринимается как-то нереально, словно в дымке. Время от времени выныривают знакомые лица: Крыловы, танцующие на «пионерском» расстоянии, Домбровский, с блаженно-глупым выражением лица прилипший к высокой блондинке с «шикарной» (как он выражается) фигурой, Кукин, виновато заглядывающий в глаза своей Цыпочке, которая что-то резко выговаривает ему и кончик ее конопатого носа (надо же, веснушки круглый год!) смешно дергается. Я киваю, встречаясь с кем-нибудь взглядом, потому что за два года работы перезнакомилась со всеми. Естественно, на меня ходили смотреть, как на диковинное животное в зоопарке. Надо же, такая маленькая и такая умная! Иностранные языки – нечто непостижимое, и в голове постсоветского человека, которого пичкали Fremdsprache в школе и в институте и который в результате во всех анкетах писал: «Читаю и перевожу со словарем», не укладывалось, что эта малявка, то бишь я, без запинки трещит на четырех языках. Всех, правда, еще интересовало, почему после защиты диссертации я оказалась в медицинском институте (местечко, надо прямо сказать, не очень для меня завидное). Но у каждого есть свои маленькие большие тайны.

– Ты действительно знаешь три языка? – словно читая мысли, спросил Илья.

– Четыре, – показываю я на пальцах.

Он улыбается. Уж очень он лирично настроен сегодня. Эти объятия, теплое дыхание на моей макушке и огненные чертики во взгляде. Если так будет и дальше продолжаться, я недолго выдержу. Может быть, лучше всего сбежать? Поехать к отцу или Мадам. Мои дорогие родители примут меня с распростертыми объятиями. Два посла в семье, кому скажи, не поверят, впрочем, я и не рассказываю. Для этого есть Танюша. Великие родственники – ее страсть. Для полного счастья ей не хватает в семье писателя, хотя бы детского, и композитора, хотя бы песенника. Однажды Фибка в шутку нарисовал генеалогическое дерево, раскидистый дуб, а под дубом – сморщенное яблоко и толстого коня. Танюша сделала мне последнее предупреждение, за коим могло последовать только отлучение от ее великосветского общества. А с местом, которое уготовил ей мой друг, она не согласилась.

Из полумрака вынырнул Домбровский со своей подружкой и заорал:

– Не пора ли нам пора?..

– Пора, пора, только не голоси так, иначе Кукин примчится.

Фибка всерьез воспринял мое предупреждение и нервно стал оглядываться по сторонам.

– Вот товарищ, – сказала я весело, кивая в сторону Ильи, – прикроет наше отступление к лифту.

– Нет, лучше по лестнице, – предложил Фибка и потащил за собой блондинку.

Золотой Мальчик (не зря его Танюша так прозвала) покорно исполняет роль прикрытия, а потом несется за нами по лестнице. Как в старые добрые студенческие времена, когда мы удирали с лекций в кафе-мороженое. Самое трогательное воспоминание тех лет – опека со стороны мужской половины студентов нашего курса, каждый из которых считал своим долгом поинтересоваться, не обижает ли меня кто-нибудь, и уверить, что готов оказать любую помощь.

Я была самой молодой на курсе: папа привел меня за руку в приемную комиссию, потому что паспорт я получила только через два дня после первого вступительного экзамена.

Пока мы с очаровательной блондинкой «поправляем прически» в туалете, мужчины уже по-приятельски болтают в гардеробе.

– Опять хвастаешься? – спрашиваю я Фибку серьезно. Домбровский широко улыбается и чмокает меня в щеку.

– Мы с тобой завтра поговорим, сейчас некогда, Танюша там, наверно, позеленела от злости.

Но Илья оставляет последнее замечание без внимания, накидывает мне на плечи плащ и, попрощавшись с молодыми людьми, ведет к машине. Он первым делом поставил заряжаться свой мобильный телефон и с серьезным лицом вывел машину со двора института. Романтическое настроение кончилось? Он постоянно так ведет себя: если надо «защищать» от кого-то, готов проглотить, испепелить страстным взглядом; как только благодарная публика исчезает, становится холодным и равнодушным, словно не нужно больше играть, поэтому сбросил маску и стал самим собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.